

Игорь Всеволодович Можейко
1185 год. Восток – Запад. Русь.
Запад. Запад против Востока
Серия «Библиотека проекта Б. Акунина
«История Российского государства»»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12177513

1185 год. Восток – Запад. Русь. Запад. Запад против Востока / Игорь Всеволодович Можейко:

АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-091410-4

Аннотация

Библиотека проекта «История Российского государства» – это рекомендованные Борисом Акуниным Лучшие памятники исторической литературы, в которых отражена биография нашей страны от самых ее истоков.

Эта книга – увлекательное путешествие по 1185 году, новые головокружительные повороты Великого шелкового пути: Русь и Европа, тогда еще тесно связанные, Англия и Святая Земля... Цель знаменитого историка и писателя Игоря Можейко – не воссоздать строго научную картину мира, а рассказать о творцах и жертвах истории. Перед нами оживают князь Игорь, Фридрих Барбаросса, Ричард Львиное Сердце и другие их легендарные или забытые современники, которые страдали, любили, враждовали и умирали восемьсот лет назад...

Содержание

Часть IV	5
Бурная молодость князей	5
Князь Игорь против хана Кончака	49
Неспокойный Галич	66
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Игорь Можейко

1185 год. Восток – Запад. Русь.

Запад. Запад против Востока

В оформлении использованы иллюстрации, предоставленные агентствами Fotobank, Shutterstock, РИА Новости, МИА «Россия сегодня», Diomedia, Fotodom и свободных источников

© В. Akunin, 2015

© И. В. Можейко, наследники, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Часть IV Русь

Бурная молодость князей

Грузия, Армения, Византия были восточным рубежом христианского мира, противостоящим миру ислама. Русь, разделенная на княжества, разобщенная и беспокойная, была щитом, оберегавшим Европу от Великой степи, и в то же время посредницей между народами Степи и Европой.

Торговые пути, проходившие по Руси, были ответвлениями Великого шелкового пути. Две основные ветви шли по долинам Волги и Днепра. На днепровской, более старой дороге выросли города Южной Руси, к ней тяготели западные княжества, и основным перевалочным пунктом там стал Великий Новгород – ворота в Балтику.

Оклад Мстислава Евангелия, созданного не позднее 1117 г. в Новгороде по заказу новгородского князя Мстислава для церкви Благовещения на Городище. Россия

Путь по Волге был моложе днепровского и процветал в те века, когда усилились государства Средней Азии. На этом пути существовало Болгарское царство, по этому пути персидское серебро попадало в верховья Камы, а мех из тайги – ко двору багдадского халифа. Этот путь помог становлению городов Северной Руси – Владимира, Суздаля, а потом и Москвы. Он также, в конце концов, выходил к Балтийскому морю, укрепляя значение Новгорода.

Торговые пути по Днепру и Волге часто определяли политику государств, тяготевших к ним. Это еще одна из причин сложных отношений Руси со Степью и связей с далекими

от русских лесов государствами. Русские князья были небезучастны к событиям на Северном Кавказе, в Поволжье и у берегов Черного моря.

Этим объясняются и военные походы в те края, и династические союзы. Правда, к концу XII века внешняя активность Руси падает: междоусобицы князей и войны с половцами поглощают слишком много сил. И все же русский князь Юрий Андреевич женится на царице Тамаре, ее тетка выходит замуж за великого князя Киевского, осетинские княжны живут при русских дворах...

Половецкие кочевья в степях к югу от Руси мешали связям русских князей с Кавказом и Причерноморьем. Но память об этих связях осталась, как память о Тмутараканском княжестве, созданном отпрысками Рюриковичей у Черного моря.

«Слово о полку Игореве». Санкт-Петербург. Издание 1914 г.

И когда в великой русской поэме «Слово о полку Игореве» князь Игорь отправляется в поход на юг, то он стремится к Черному морю, помня о русских походах в те края и о том, как русские князья прибавляли свои щиты к воротам Константинополя.

«Слово о полку Игореве», во многом загадочная и до сих пор вызывающая бурные споры историков и писателей поэма, несет в себе не только рассказ о событиях 1185 года, но и память о том, что происходило на южной границе Руси за десятилетия до того.

Загадки «Слова о полку Игореве» возникли с того дня, когда поэма была найдена. И не разрешены и сегодня.

В 1812 году, во время оккупации Москвы войсками Наполеона, среди многих домов сгорел и дом старого екатерининского вельможи, известного ценителя и коллекционера древних рукописей, тайного советника графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. Сгорела библиотека. Сгорела и рукопись – большая, в лист, переплетенная в кожу, значившаяся

в каталоге под № 323. Под одним переплетом в ней находилось восемь сочинений разного времени, в том числе написанное «старинными буквами» «Слово о полку Игореве».

Иоганн Баптист Лампи Старший. Портрет графа А.И. Мусина-Пушкина. Миниатюра. 1792–1797 гг.

Это сочинение было известно с конца XVIII века. Мусин-Пушкин откуда-то привез эту рукопись, много лет с помощью лучших знатоков древнерусского языка переводил, знакомил с ее содержанием Екатерину II и наконец в 1800 году опубликовал ее текст и перевод на современный ему язык. После этого рукопись оставалась еще двенадцать лет в собрании Мусина-Пушкина, сначала в Петербурге, а потом в его московском доме, и некоторые его коллеги могли ее видеть.

«Слово о полку Игореве» стало литературной сенсацией России. Современники понимали, что обнаружена первая русская поэма, ставшая в один ряд с такими шедеврами, как «Песнь о Нибелунгах» или «Песнь о Роланде».

Разумеется, держать у себя дома уникальную рукопись, созданную в конце XII века и сохранившуюся в копии XV века, было опасно, и следовало бы передать ее в государ-

ственное хранилище. Но дело в том, что такие хранилища лишь создавались, и трудно было решить, где рукописи безопаснее находиться. Император Александр I рад был бы получить «Слово», но, когда открывалась петербургская Публичная библиотека, Мусин-Пушкин подарил ей другую рукопись, также бесценную, – Лаврентьевскую летопись.

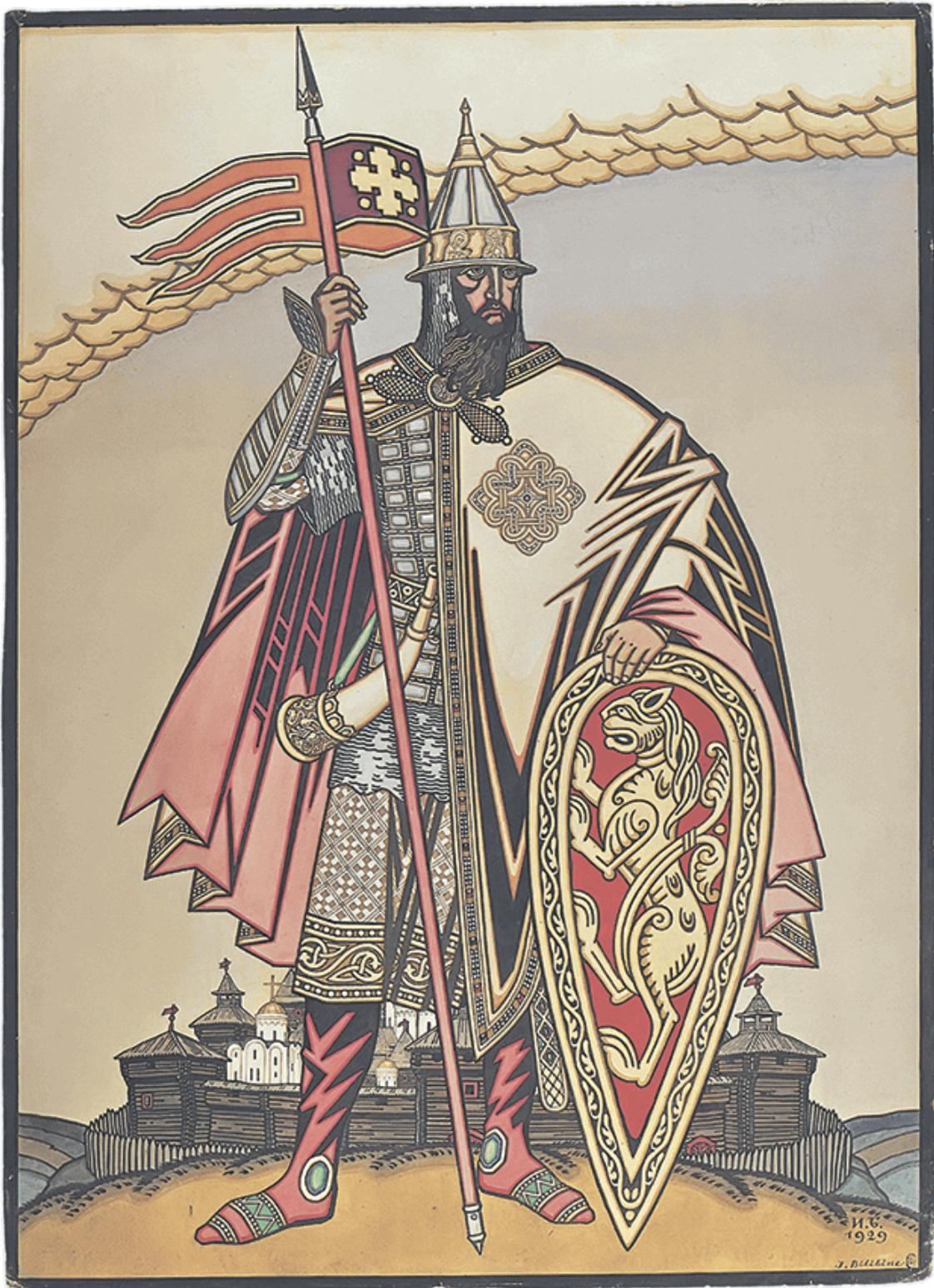
О происхождении рукописи Мусин-Пушкин не распространялся, да и мало кто задавался тогда тем вопросом. Источников могло быть несколько. Достаточно обратиться к биографии графа. В 1775 году он начал служить при дворе в должности церемониймейстера. Уже тогда он собирал монеты и различные древности. Должность расширила возможности графа. Очевидно, он получал древние рукописи от других придворных, в имениях которых те оседали. Например, граф Головкин, как вспоминал сам Мусин-Пушкин, «приметя его к отечественной истории склонность, подарил ему несколько летописей и древних монет». На этой почве коллекционер вошел в доверие к самой императрице, что понятно: с усердием примерной ученицы бывшая ангальт-цербстская принцесса занималась российской историей. Для нее это не было баловством, как порой изображается в исторических сочинениях, – вряд ли можно отыскать большую российскую патриотку, чем императрица. Уровень ее трудов был вполне на уровне современной ей исторической науки.

Екатерине коллекционер Мусин-Пушкин понравился. Она изучила его собрание, а затем в знак милости, как коллега, отдала ему несколько древнерусских рукописей. Граф обещал за это переводить то, что ей нужно, и снабжать ее материалами для царственных занятий.

Через несколько лет сотрудничество Екатерины с Мусиным-Пушкиным открыло для него еще одну полезную стезю. Он был назначен обер-прокурором Святейшего синода, что дало ему среди прочего право ревизовать монастырские библиотеки и отыскивать хранящиеся там уники. Более того, чтобы облегчить графу труды, императрица издала указ, по которому монастыри и церкви обязаны были присылать в синод имеющиеся у них исторические сочинения для снятия копий. Шаг весьма мудрый.

Мусин-Пушкин следил за снятием копий, к тому же использовал свой пост и для того, чтобы приобретать рукописи для коллекции, и к рубежу XIX века его собрание стало крупнейшим в мире.

Когда ему в руки попала рукопись «Слова о полку Игореве», он сразу оценил ее значение для русской истории и литературы, показал ее другим знатокам и вместе с ними начал трудиться над переводом. Работа оказалась сложной. До 1800 года, когда граф и его помощники сочли возможным опубликовать ее, рукопись видели лишь немногие. Мусин-Пушкин сделал все от него зависящее, чтобы вернуть России ее великое произведение. И остался в русской истории как открыватель «Слова о полку Игореве».

И. Я. Билибин. Эскиз костюма к опере А. П. Бородина «Князь Игорь». 1929 г.

Недавно в прессе приключилась очередная сенсация. Утверждали, что «Алису в Стране чудес» написал не Льюис Кэрролл, а не кто иной, как королева Англии Виктория,

ничем себя в литературе не проявившая. Неудивительно, что эта версия появилась, но удивительно, с какой готовностью многие в нее поверили, хотя оснований для этого нет. Достаточно прочесть хотя бы письма Кэрролла, чтобы понять: они принадлежат тому же остроумному, парадоксальному и талантливому человеку, который написал «Алису». Но всегда найдется любитель нарушить традицию ради сенсации. Особенно когда сенсация направлена на то, чтобы отнять славу у «недостойных» и прибавить ее «достойнейшим». Шекспиру регулярно отказывают в авторстве его пьес, потому что он был простым актером, зато его конкуренты – всегда люди знатные.

Нечто подобное должно было обязательно случиться со «Словом о полку Игореве».

Сразу же по его опубликовании появились скептики, которые утверждали, что на Руси XII века «Слово» возникнуть не могло. Аргументов было множество: отсутствие других произведений такого уровня, незначительность события на фоне других событий русской истории, молодость русского общества, еще не доросшего до великих поэм. Скептикам помогало и то, что сравнительно незадолго до опубликования «Слова» в Англии разгорелся скандал с песнями Оссиана, которые были изданы Макферсоном, а на поверку оказались написанными им самим.

Можно себе представить, насколько усилились позиции скептиков после того, как в 1812 году во время пожара Москвы рукопись сгорела! Почему, возникали вопросы, «Задонщина», написанная по той же схеме, что и «Слово», вплоть до прямых текстуальных совпадений, найдена в нескольких экземплярах, а рукопись «Слова» была одна – и исчезла?

Сторонники подлинности «Слова» доказывали, что существуют и другие тексты домонгольского и даже послемонгольского времени, известные лишь в одном экземпляре, а то и вовсе исчезнувшие. Они же старались доказать, что «Задонщина», посвященная Куликовскому сражению 1380 года, написана так потому, что ее автор был знаком со «Словом» и строил свое произведение, подражая «Слову».

Монгольское нашествие XIII века было губительным для русской культуры. Лишь в западных землях сохранились рукописи. Зато западные земли, так же как и Новгород с Псковом, сильно пострадали в войнах XIV–XV веков. Когда жизнь на Руси пришла наконец в какой-то порядок, снова возник интерес к прошлому и старые рукописи начали переписывать, далеко не все казалось интересным. Монахи, копаясь в истлевших свитках, искали в первую очередь литературу божественную, миряне – литературу развлекательную и поучительную. Те и другие искали в прошлом то, что было актуальным. «Задонщина» была актуальна и через триста лет после ее написания. Это была героическая эпопея об освобождении Руси, о победе над угнетателями, о торжестве православия.

Но представим себе монаха, который наталкивается на рукопись «Слова о полку Игореве». Переписка – дело долгое и трудное, бумага дорога. Он смотрит, стоит ли ему тратить месяцы труда на копирование этой рукописи. Он читает ее с трудом: многие слова монаху непонятны. Даже смысл целых абзацев ускользает от него. В лучшем случае монах поймет, что речь идет о том, как половцы взяли в плен какого-то князя и как он бежал из плена. Скорее всего, он отложит рукопись и возьмет другую, более интересную.

Ученые находят влияние «Слова» на литературу рубежа XII–XIII веков, находят следы этого влияния позже, вплоть до XIV века... далее следы «Слова» пропадают. Никто не ссылается на него даже косвенно.

Можно считать чудом, что уцелела хоть одна копия, что нашелся все же переписчик, который не пожалел труда, чтобы спасти великую поэму.

Молодой ученый Константин Калайдович, сторонник подлинности «Слова», как только французы ушли из России и война перекинулась на поля Европы, написал письмо Мусину-Пушкину с настойчивой просьбой сообщить, когда, где и при каких обстоятельствах

была найдена рукопись «Слова о полку Игореве». Его интересовал круг людей, видевших рукопись и переводивших ее.

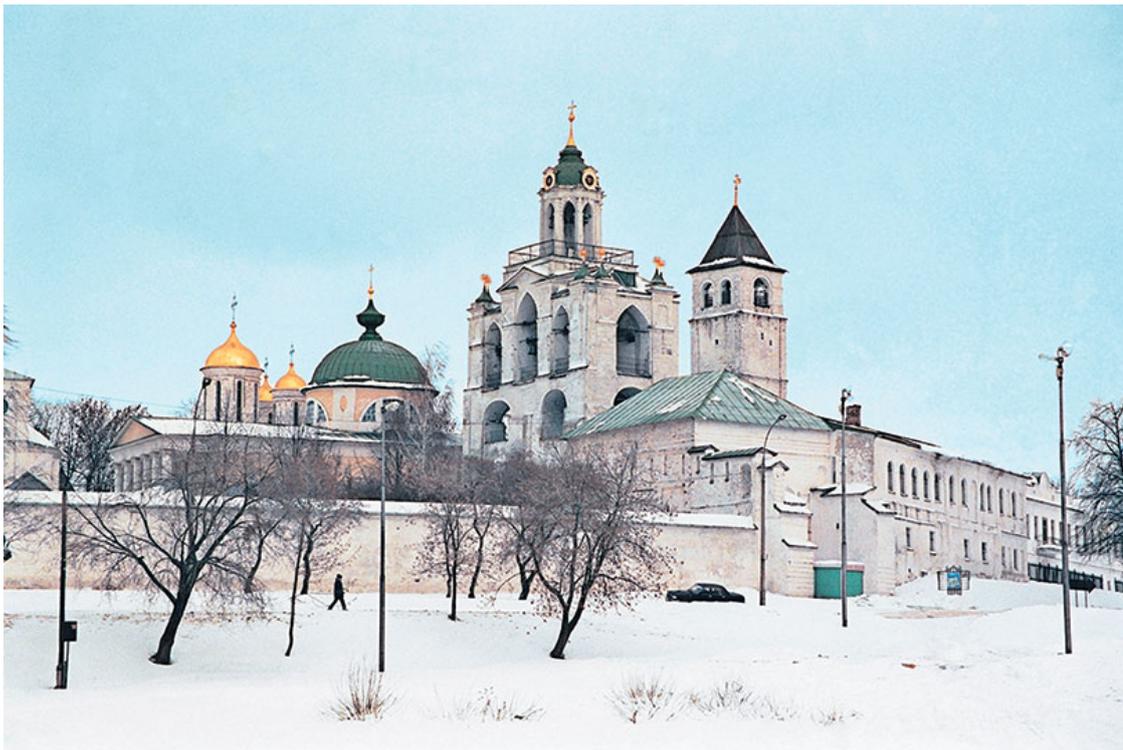

В. М. Васнецов. Баян (имя певца из «Слова о полку Игореве»). 1910 г.

В своем ответе Мусин-Пушкин был очень сдержан. Назвать сотрудников он отказался под предлогом, что их согласия на то не имеет. Обстоятельства находки также не раскрыл. Калайдович не сдавался и штурмовал старика письмами. Эта переписка оставалась никому не известной. Лишь в 1817 году, после смерти Мусина-Пушкина, в статье Калайдовича, посвященной памяти графа, появилась такая фраза: «... у архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоиля купил он все русские книги, в том числе драгоценное “Слово о полку Игореве”».

Еще через несколько лет Калайдович сообщил и прочие сведения, полученные от Мусина-Пушкина. Оказывается, Спасо-Ярославский монастырь закрыли, и его игумен, просвещенный архимандрит Иоиль, потерял должность. А так как монастырская библиотека осталась «бесхозной», он согласился продать «комиссионеру» Мусина-Пушкина некоторые рукописи, среди которых и оказалось «Слово».

Однако сообщению Калайдовича поверили далеко не все. Многие полагали, что Мусин-Пушкин лукавил по каким-то лишь ему понятным причинам. В 1833 году писатель и историк Николай Полевой сообщил, что, по его сведениям, рукопись поступила из псковского Пантелеймоновского монастыря. А в бумагах знатока русских рукописей епископа Евгения сохранилась запись: «Он купил ее в числе многих старых бумаг и книг у Ивана Глазунова, все за 500 р., а Глазунов у какого-то старичка за 200 р.». Эта запись до сих пор настораживает скептиков: связь рукописи с миром петербургских перекупщиков и торговцев стариной, людей предприимчивых и не без успеха изготавливавших подделки, сильно подрывала бы позиции защитников «Слова».

Спасо-Преображенский (Спасо-Ярославский) монастырь. Ярославль. Россия

Вскоре стало известно, что Мусин-Пушкин широко пользовался своим положением обер-прокурора и не всегда возвращал рукописи, присланные для снятия копий. К тому же он путался в своих версиях, менял их, что также не способствовало доверию к нему. В своих автобиографических записках он сообщил, что купил у книгопродавца Сопикова бумаги комиссара Крекшина и в них случайно обнаружил знаменитую Лаврентьевскую летопись. Затем он написал Калайдовичу, что купил ее во Владимире. А еще через некоторое время обнаружилось, что обе версии ложные: Лаврентьевская летопись поступила в синод для снятия копии из Софийского собора в Новгороде, но обратно не вернулась. Об этом пошла жалоба в Петербург.

Откуда Мусин-Пушкин получил «Слово», оставалось неизвестным. А раз так, никуда не денешься от сомнений в его подлинности.

В 1956 году в Ярославский архив поступила рукописная книга «Описание земноводного круга», автором которой был Василий Крашенинников.

Это удивительное сочинение, характерное для своего времени.

Василий Крашенинников, лицо в Ярославле известное, общественный деятель, владелец шляпной фабрики, происходил из небогатой торговой семьи. Родился он в 1712 году и, когда подрос, был отправлен учиться в Москву, в Славяно-греко-латинскую академию.

Несколько лет в середине XVIII века шляпный фабрикант Крашенинников пишет книгу в семьсот страниц большого формата, в которой собраны сведения географические и исторические. Он прилагает к ней библиографию, указывая десятки книг и рукописей, которые использовал для «Земноводного круга».

Среди перечисленных в библиографии трудов значится хронограф Спасо-Ярославского монастыря, состоящий именно из тех переплетенных вместе рукописей, которые перечислял Мусин-Пушкин в одном из писем к Калайдовичу. Значит, Крашенинников, который при работе над своим «Земноводным кругом» использовал все материалы, которые мог отыскать в Ярославле, бывал в библиотеке монастыря и делал выписки из хронографа в те годы,

когда мальчик Мусин-Пушкин и не подозревал, что станет собирателем древних рукописей. Правда, среди трудов из хронографа, которые Крашенинников использовал, «Слово о полку Игореве» не значится, в чем нет ничего удивительного, потому что содержание «Слова» Крашенинникова заинтересовать не могло.

Итак, фабрикант Крашенинников держал в руках тот хронограф, который потом купил у Иоиля обер-прокурор синода Мусин-Пушкин. Следовательно, в 1750 году он лежал на месте. Розыски в Ярославском архиве были продолжены¹. Выяснилось, что, сдавая и принимая в монастырях дела, игумены проверяли, не утерял ли чего из ценностей предшественник. Таких описей в архиве сохранилось несколько. По ним обнаруживается, что в 1776 году в Спасо-Ярославский монастырь прибыл новый игумен Иоиль Быковский. Он тщательно переписал все церковное имущество, переплел список в тетрадь и, от безыскусной тяги к красоте, вырезал из бумаги сердечко, наклеил его на переплет тетради и с нажимом написал на сердечке: «Копия описи Спасо-Ярославского монастыря церковным ризничным и монастырским вещам 1776 и 1778 годов». Это была тетрадка для себя – оригинал был отослан в консисторию. За списком дверей, подсвечников и риз следуют книги. Под № 67 написано «Хронограф в десть», то есть в лист. Значит, «Слово», если верить версии Мусина-Пушкина, еще лежит в монастыре.

Следующая опись была произведена через десять лет. Указом от 3 июля 1787 года монастырь был упразднен, а Иоилю от синода была оказана милость: «Бывшему во оном архимандриту Иоилю, по старости и болезни его увольняемому от управления тем монастырем, производить по смерти его нынешнее жалование». Жалованье было неплохим – пятьсот рублей в год. Так что Иоиль мог безбедно доживать дни в своих покоях. Он скончался в девяностых годах, оставив сравнительно большую библиотеку, все книги в которой были печатными. Ни одной рукописи.

Имущество монастыря по описи 1787 года Иоиль сдавал архиепископу Ростовскому и Ярославскому Арсению. В конце описи числятся рукописные книги. Причем за десять лет их число увеличилось: Иоиль к книгам относился бережно и доставал их для монастыря.

Итак, в 1787 году в монастырь приехал архиепископ, и Иоиль показал ему библиотеку и рукописи.

Известно, что Арсений был хорошим знакомым Мусина-Пушкина, который имел поместье в Ярославской губернии.

Визит архиепископа в монастырь навел исследователей на определенные рассуждения. Они были подкреплены пометками на описи. Если приглядеться, то можно увидеть, что против названий четырех рукописей на полях имеются тщательно стертые слова.

Опись передали в группу фотоанализа Лаборатории консервации и реставрации документов Академии наук СССР. В лаборатории опись внимательно изучили и убедились, что стертые слова на всех строчках одно и то же – «отдан».

Это означает, что в момент составления описи, или даже раньше, четыре рукописи были кем-то изъяты из библиотеки. Можно предположить, что архиепископ Арсений обратил на них внимание и сказал старцу, что берет их на время. Иоиль ничего не посмел возразить.

Арсений уехал, увезя рукописи с собой. Но тут случилась новая напасть. В том же 1787 году Екатерина разослала по всем упраздненным монастырям указ сделать опись казенного имущества. Значит, надо снова все проверять. И отвечает за то Иоиль – больше никого в бывшем монастыре не осталось. Требуемая опись была отправлена в Петербург только

¹ Основные изыскания по поводу Спасо-Ярославского хронографа приведены ленинградским филологом Г. Моисеевой в книге «Спасо-Ярославский хронограф и “Слово о полку Игореве”» (Л., 1977).

через год. Может быть, Иоиля мучили болезни, но вернее – беспокоила судьба отданных рукописей, и он пытался их вернуть.

И вот тут, без сомнения, он получил весьма строгое указание от архиепископа: скрыть правду.

И на свет появляется новая опись, обнаруженная в архиве в 1960 году. Эта опись все разъясняет и позволяет понять драму, разыгравшуюся в упраздненном монастыре.

Тех четырех рукописей, перед названиями которых в описи 1787 года стояло слово «отдан», больше нет. В описи 1788 года после их названий следуют почти одинаковые фразы. Вот что написано возле слов «Хронограф в десть»: «Онний Хронограф за ветхостью и сгнитием уничтожен».

А что еще мог сделать старец, боявшийся потерять пенсию?

Над Иоилем долгое время висело подозрение в том, что он тайком торговал казенным имуществом. Начало этому подозрению положил Мусин-Пушкин, правда, уже после смерти старца, так что тот не мог опровергнуть навет.

Если рукопись была похищена самим архиепископом и передана им графу, то, само собой разумеется, Мусин-Пушкин старался направить тех, кто задавал нетактичные вопросы, по ложному пути. Вот и возникали Крекшин, продавец Глазунов и Пантелеймоновский монастырь. Лишь в старости, зная, что все участники этой драмы уже умерли, Мусин-Пушкин сказал почти правду.

Почему сказал?

Думаю, что граф был несчастен. Он-то верил в подлинность «Слова», он-то хотел, чтобы где-то вновь всплыл его список и реабилитировал его в глазах потомства.

Выяснение правды о том, находился ли в Спасо-Ярославском монастыре хронограф, попавший к Мусину-Пушкину, не пустяк. Проблема подлинности «Слова» до сих пор не снята с повестки дня. И потому доказательство существования Спасо-Ярославского хронографа отметет предположение о том, что рукопись изготовили предприимчивые торговцы.

Эта история, имеющая лишь косвенное отношение к 1185 году, – один из мостиков между тем годом и современностью. В ней можно увидеть целую череду людей – от автора «Слова» до тех переписчиков, что копировали его, до страстного и не всегда скрупулезно честного Мусина-Пушкина, его друга архиепископа, старца Иоиля, доживавшего хотя и в благополучии, но в стыде свой век, до сотрудников лаборатории фотоанализа и сегодняшних архивистов. И все это движение рождено к жизни решением князя Игоря Святославича из рода беспокойных и воинственных Ольговичей пожить на вежах половецких.

Русские летописи, богатые фактическим материалом, часто разочаровывают, если захочешь проследить за судьбой князей или бояр, упоминаемых там. Охотнее всего они рассказывают о событиях экстраординарных. Если выписать из летописей упоминания только о погоде, то покажется, что весь XII век был полон стихийными бедствиями. Это, конечно, не так, начало похолодания, которое тяжело ударило по сельскому хозяйству Европы, падает на рубеж XIII века. Век двенадцатый в целом еще благополучен. Но хроники так же мало интересуются хорошей погодой, как обыкновенной жизнью исторических персонажей. Зато таких возмутителей спокойствия, как князь Юрий Долгорукий, они держат в центре внимания. Ведь те – катализаторы конфликтов. Остальных вспоминают в случаях, когда они в эти конфликты втягиваются либо попадают в чрезвычайные обстоятельства.

Поход князя Игоря Святославича – событие чрезвычайное.

Но если попробовать восстановить биографию Игоря до похода на половцев, мы столкнемся с большими лакунами: на годы он исчезает из поля зрения летописцев. Еще меньше повезло другим героям нашей книги.

Но можно наверняка сказать, что князья, судьбы которых нас интересовали, были между собой знакомы – хотя бы потому, что были родственниками.

Все русские князья были родственниками. В конце XII века их было около пятидесяти. Все они происходили от Владимира Святого и делились на линии, каждая из которых имеет название по имени родоначальника, например, Ольговичи или Мстиславичи. Только князь, ведущий происхождение от Владимира, был вправе претендовать на власть. Вряд ли можно найти в Европе другое государство, где вся феодальная знать принадлежала бы к одному роду. Русский феодализм был молод, становление феодальных отношений произошло очень быстро. Еще при Ярославе Мудром, за сто лет до описываемых событий, Русь была единой.

В. М. Васнецов. После побоища Игоря Святославича с половцами. 1880 г.

Раздробление Руси на десятки независимых княжеств, враждующих между собой, нельзя рассматривать односторонне – как трагедию для страны. Разумеется, трагедия была, потому что Русь не могла объединиться даже перед лицом серьезной опасности и рухнула перед опасностью смертельной – вторжением монголов, хотя объективно была сильнее монголов. В то же время процесс сложения независимых княжеств отражал бурное экономическое и социальное развитие страны. В считанные десятилетия она стала «страной городов» – именно под таким именем ее знали скандинавы. Экономические интересы города и области, над которой город господствовал, были более важны для правящих слоев, чем интересы Руси в целом.

Осознание Руси как общности было уделом мыслителей, поэтов, духовных пастырей, видевших трагедию междоусобицы и раздоров, но это осознание шло от обратного – от противопоставления Руси и Степи.

Была Русь, состоявшая из больших и малых княжеств с традиционным центром – Киевом – и признанием старшинства князя, который занимал киевский престол. Хотя к середине XII века это не гарантировало его от нападений со стороны других князей.

И была Степь.

Степь начиналась у порога: княжества Рязанское, Черниговское и Киевское были пограничными. Степь была враждебна, что исходило от различий в образе жизни, от извечного конфликта земледельца и кочевника.

Каменная баба (второе название Половецкий воин) в Центрально-Черноземном заповеднике имени В. В. Алехина, Курская обл., пос. Заповедный. XI–XII вв. Россия

Это противостояние длилось веками, а войны не могут длиться веками. Создался некий враждебный симбиоз, при котором ни одна сторона не могла одержать решительной победы. Бывали случаи, как в походе Кончака в 1184 году, когда половецкое войско везло с собой построенные иноземцами громадные осадные машины, чтобы захватить Киев. Но, даже взяв какой-нибудь русский город, половцы в нем не задерживались. Их целью был грабеж, захват добычи и пленных, а не завоевание.

На границе между русским лесом и половецкой степью царило неустойчивое равновесие. Там жили «буферные» народы – торки, черные клобуки, берендеи – степняки, союзные Руси, без помощи которой они бы не выстояли против половцев. Стоило одной из враждующих сил вторгнуться на территорию другой, как с каждым днем словно сжималась пружина сопротивления.

Враждебная обстановка – лес для одних, сухая степь для других – начинала все более служить своим обитателям. Чем дальше углублялся русский князь в степь, тем дальше он уходил от своих баз, тем опаснее и ненадежнее становилось его положение. Половцы редко заходили дальше Киева или реки Оки. Собраться походом на Смоленск или Новгород означало погубить половецкое войско.

Не следует полагать, что одни лишь половцы были грабителями и насильниками. Грабительскими были все пограничные войны. За добычей ходили в степь русские князья. Во время походов они стремились находиться в авангарде – не от особой храбрости, а потому, что авангардный отряд первым грабил становища половцев.

С наименьшим энтузиазмом русские князья грабили вотчины своих родственников. Порой альтернатива – воевать ли половцев или воспользоваться отсутствием соседа и разграбить русский город – решалась в пользу последнего. А на помощь звали тех же половцев.

Страдающей стороной в этих конфликтах были русские горожане, русские крестьяне, половецкие пастухи, но никак не князья и ханы. Князья и ханы сознавали свое единство. Многие из них были породнены, и в тяжелую минуту князья звали половецких ханов на выручку.

Храм святого благоверного князя Игоря Черниговского в Перedelкинe. Москва, Россия. 2012 г.

Игорь Святославич, князь Северский, а потом и Черниговский, был наполовину половцем. Когда великий князь Владимир Мономах заключал мир с половцами, он скрепил его сразу несколькими браками, и, как сообщает летопись, «Володимер... створиша мир и поя Володимер за Юргя Аепину дчерь, Осеневу внуку, а Олег поя за сына Аепину дчерь, Гиргенеу внуку».

Сын Олега – это Святослав, отец Игоря. Значит, «Аепина дчерь, Гиргенева внука» – мать Игоря Святославича. Юрг – Юрий Владимирович, по прозванию Долгорукий, основатель Москвы, дед Юрия Андреевича, первого мужа грузинской царицы Тамары.

Любопытно отметить, что русские князья охотно женили на половчанках своих сыновей, но не выдавали дочерей за половецких ханов. Княжны выходили замуж за польских королевичей, за шведов, французов, византийцев – всегда за христиан и никогда за «поганных». Объясняется это очевидной в то время причиной: если ты женился на половчанке, то она переходила после свадьбы в православную веру. И вера от этого не страдала. Если же девушка княжеского рода уходила в Степь, то она была потеряна для христианской веры, чего допустить было нельзя. Это правило не действовало на более низком социальном уровне: половцы брали в жены или наложницы русских пленниц. Так что процесс смешения соседних народов был обоюдным.

Памятник Юрию Долгорукому в Москве

Можно предположить, что русский язык был в ходу у половцев, как и половецкий был широко знаком русским, даже в княжеских семьях. Вряд ли мать князя Игоря, да и половецкие служанки, привезенные ею, изъяснялись только по-русски. Уже от тех времен в русском языке появляются тюркские слова, их немало и в «Слове о полку Игореве»². Вражда враждой, но при дворах князей нередко бывали половецкие гости, да и русские князья порой навещали своих половецких дедушек, теток и тестей.

В первой половине двадцатых годов XII столетия, по окончании войн Мономаха с половцами, «Аепина дщерь» приехала к своему жениху Святославу. Лет ей было немного: в династических браках возраст невест и женихов бывал не только весьма различным,

² Это явление исследует Олжас Сулейменов в книге «Аз и Я» (Алма-Ата, 1975).

но и крайне юным. Жених был ненамного старше. Их первый сын Олег родился в тридцатых годах. Вторым был Игорь, он увидел свет 3 апреля 1151 года. Вскоре появился еще один сын – Всеволод.

Годы детства князя Игоря были для его отца временем сложным, порой отчаянным. Это были годы бесконечных походов, заговоров, годы многочисленных перемен союзов, клятвопреступлений, засад и сражений. И хотя Святослав был из Ольговичей, которые остались в истории как род злобный и коварный, была у Игоря отца черта, которая вызывает к нему симпатию. Дело в том, что старший брат Святослава Игорь, в память о котором и был окрещен наш герой, занимал великий престол в Киеве, но, когда к Киеву подступило мощное войско его соперников и он мог добровольно уступить престол и уйти в свои черниговские владения, он предпочел сражаться. Силы его уступали вражеским во много раз. Победенный, он бежал в болота и скрывался там, раненный, четыре дня, но потом его все же выследили, схватили и бросили в яму – подземную тюрьму. Так вот Святослав Ольгович в течение нескольких лет отчаянно бился за освобождение старшего брата. Такая преданность брату была не в обычае в те времена.

Спасти брата не удалось. Когда Игорь понял, что умирает в сырой яме, он попросил разрешения постричься в монахи. Он его получил, но тут Святослав начал брать верх, и возникла опасность, что он все же освободит брата. Возбужденная толпа вытащила монаха из церкви, где он укрылся, и растерзала.

Шли годы, сыновья Святослава подрастали и были такими же неугомонными и деятельными, как отец, который с 1157 года укрепился на черниговском престоле.

Детство Игоря ничем не отличалось от детства других княжичей.

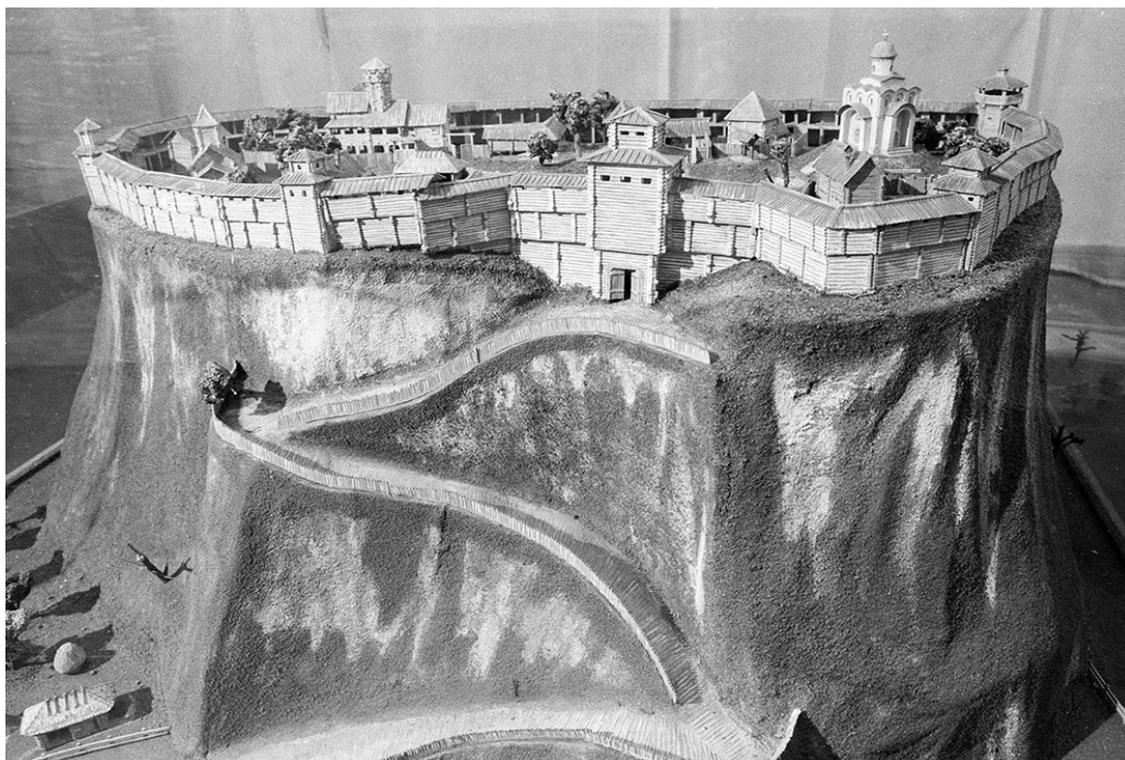
В три года, как положено, его посадили на коня, в семь начали обучать грамоте и воинскому делу – рубке на мечах, бросанию копья и аркана, стрельбе из лука.

Настоящую войну Игорь узнал рано. Ему еще не было десяти лет, когда половцы, приведенные одним из русских князей, осадили Чернигов. С крепостной стены Игорь видел далеко за Десну, где стаей саранчи, севшей на поле, шевелилось половецкое войско; к берегу подскакивали группы всадников, размахивая саблями. У берега и дальше к горизонту, где лежали черниговские деревни, поднимались столбы дыма: враги разграбили все левобережье Десны.

Отец половцев отогнал, но вскоре после этого заболел. Войско было распущено по домам, а князь Святослав, которому было душно в тереме, велел построить шатер на берегу реки и со всей семьей перебрался туда. Дети купались в Десне, отец медленно выздоравливал, был мир, покой, и лишь черные трубы сгоревших домов за рекой напоминали о недавнем страхе.

И тут примчался гонец с недоброй вестью: враги, прознав о болезни князя, снова идут на Чернигов, они уже сожгли епископское село.

Быстро свернули шатры, слуги подвели коней: княжеская семья поскакала в детинец. К счастью, неподалеку кочевали союзники – берендеи. Они неожиданно налетели на половцев, многих порубили и утопили в реке.

Макет Чернигова в XI–XII вв., экспонат краеведческого музея города Новгород-Северский. Украина

В 1164 году Святослав умер, и тринадцатилетний Игорь, по тем временам уже почти взрослый, остался сиротой. Главенство в роде должно было перейти к его старшему брату Олегу.

Однако на черниговский трон претендовали другие князья, а сам Олег был в отлучке. Чтобы сохранить престол для сына, мать Игоря собрала бояр и призвала епископа Антония. Она сказала им, что намерена скрывать смерть мужа до тех пор, пока Олег не вернется. Бояре сомневались – враги были сильны, и Олегу вряд ли удастся удержать черниговское княжение.

Игорь сидел рядом с матерью. Он нервничал и старался казаться настоящим князем, суровым и могучим. Но на него никто не обращал внимания: бояре мысленно прикидывали, на чью сторону податься. Княгиня заставила всех присягнуть, что они сохраняют тайну.

Когда очередь дошла до епископа, тысяцкий Георгий, верный слуга княгини, произнес:

– Неловко приводить к присяге нашего пастыря.

– Ничего, – ответил Антоний, – я согласен.

Антоний, хотя и давно жил в Чернигове, по-русски говорил плохо: он был греком из Византии.

После этого Антоний обратился к боярам с речью. Он грозил, что если кто-нибудь из них проговорится, то тем уподобится Иуде.

Княгиня успокоилась.

Она не знала, что еще до начала этого собрания Антоний послал грамоту другому претенденту на черниговский престол, Святославу Всеволодовичу, в которой донес, что Святослав умер, дружина распущена по городам, княгиня одна с детьми, без защиты.

Святослав Всеволодович бросился к Чернигову и въехал туда одновременно с Олегом. Начался торг, по которому Святославичи потеряли Чернигов, но Олегу был выделен Новгород-Северский, центр большого, хотя и подчиненного Чернигову Северского княжества.

Игорю и его младшему брату Всеволоду придется ждать уделов из рук нового черниговского князя.

Галицкое княжество граничило с Венгрией, Польшей и Болгарией. Галицкие князья роднились со своими соседями и участвовали в европейской политике. Перекресток торговых путей Южной Европы привлекал и завоевателей, и торговцев. Там выросли большие города, а в них были сильны бояре и купцы, которые порой соперничали с князьями. И хотя князья Галича считались самыми могучими на Руси, в критические моменты бояре, как в Новгороде, выступали на первый план и диктовали свою волю.

Население Галицкой земли было смешанным. Значительный процент там составляли греки, венгры, южные славяне, там были влиятельные армянская и еврейская колонии, а в низовьях Днестра и Дуная обитала никому не подвластная вольница – многонациональный сброд: грабители, пираты, порой наемные солдаты, источник постоянного беспокойства для галицких князей, да и для их соседей.

Была у этой вольницы столица – город Берладь, откуда и пошло их название – берладники. У них был свой вождь и кумир – Иван Берладник, племянник галицкого князя Владимира, изгой, не имевший своей вотчины и потому нанимавшийся к другим князьям либо пускавшийся в собственные авантюры.

Впервые Иван Берладник оставил след в галицкой истории в 1144 году, будучи совсем молодым человеком. Как-то раз его дядя Владимир отправился на охоту, и недовольные Владимиром галичане объявили Берладника своим князем и ввели его в столицу. Когда Владимир в отличнейшем настроении вернулся с охоты, обнаружилось, что ворота его славной столицы закрыты. Владимир бросился к другим городам собирать войско, затем долго штурмовал Галич. Горожане крепко держались за Берладника, и город пал только после долгой осады. Разгневанный Владимир перебил множество своих подданных и залил город кровью, безумствуя в мстительных казнях. Берладнику тогда удалось уйти от мести дяди, и вскоре он оказывается со своей дружиной у отца Игоря, Святослава, и помогает ему воевать с врагами. Так что при черниговском дворе беспокойный князь был своим человеком.

В 1153 году, со смертью сурового князя Владимира Галицкого, престол перешел к его сыну Ярославу Осмомыслу. Ярослав уже три года был женат на Ольге, дочери князя Суздальского и великого князя Киевского Юрия Долгорукого, и в 1151 году у них родился сын, которого назвали Владимиром в честь деда. Он был ровесником князя Игоря Святославича.

Бюст Юрия Долгорукого в Переславле-Залесском

Ярославу нелегко было удержаться на галицком престоле: бояре ему не доверяли, унижали его, даже как-то не позволили участвовать в битве, заявив, что и без молокососа обойдутся. Правда, боярские воеводы потерпели тогда поражение.

Ярослав, понимая, что без поддержки тестя престол трудно сохранить, был в первые годы верным другом Юрию Долгорукому. Он выполнял его поручения, ходил в поход на Луцк, посылал ему на помощь полки. Тесть, желая сделать подарок зятю, схватил Берладника, заковал в цепи и послал в Галич.

Ярослав возрадовался и, узнав, что пленника уже привезли из Суздаля в Киев, отправил навстречу ему целое войско, чтобы надежнее довести врага до места казни.

Но для остальных князей Берладник, отчаянной смелости витязь, оставался князем, которого нельзя казнить, как простого разбойника. Даже киевский митрополит напустился на Юрия Долгорукого. «Грех тебе, – утверждал он, – держать его в темнице и выдать его на смерть».

Юрий Долгорукий переменял свое решение и отправил закованного Берладника обратно в Суздаль.

Когда отряд, который вез Берладника в Суздаль, проезжал мимо Чернигова, на него напали черниговские воины, отбили пленника, а потом отвезли в Чернигов и выделили ему терем, чтобы он мог залечивать раны и набираться сил.

В 1157 году Юрий Долгорукий умер, и Ярослав подарка так и не получил.

Прошло два года. Иван Берладник жил в Киеве, командовал дружиной и поддерживал связи с оппозицией в Галицком княжестве.

Пока он был на свободе, Ярослав не мог спать спокойно. Поэтому он направил в Киев невиданное по тем временам посольство, состоявшее из поляков, венгров, смолян, волынцев и многих других, с требованием выдать Берладника.

Трудно понять, что заставило столько государей согласиться на участие их подданных в этом посольстве. Возможно, хитрый Осмомысл посулил участникам богатые дары.

Великий князь Киевский Изяслав Давыдович указал послам на дверь, отказавшись предать Берладника. Но когда послы отбыли восвояси, а князья стали готовить дружины, чтобы силой решить эту проблему, Изяслав дал понять Берладнику, что тому будет безопаснее уйти. Берладник ускакал на Дунай, там снова собрал вольницу, в основном из беглых русских смердов, – около шести тысяч человек. С ними он облагал данью рыбацкие поселки, буквально парализовал торговлю на Дунае, даже взял несколько городов, причем никому не разрешал обижать мирных жителей. Когда Берладник осадил один из галицких городов, Ущицу, с сильным гарнизоном, то, как рассказывает летописец, «смерды вылезали через стену к Ивану, и перебежало их к нему триста человек».

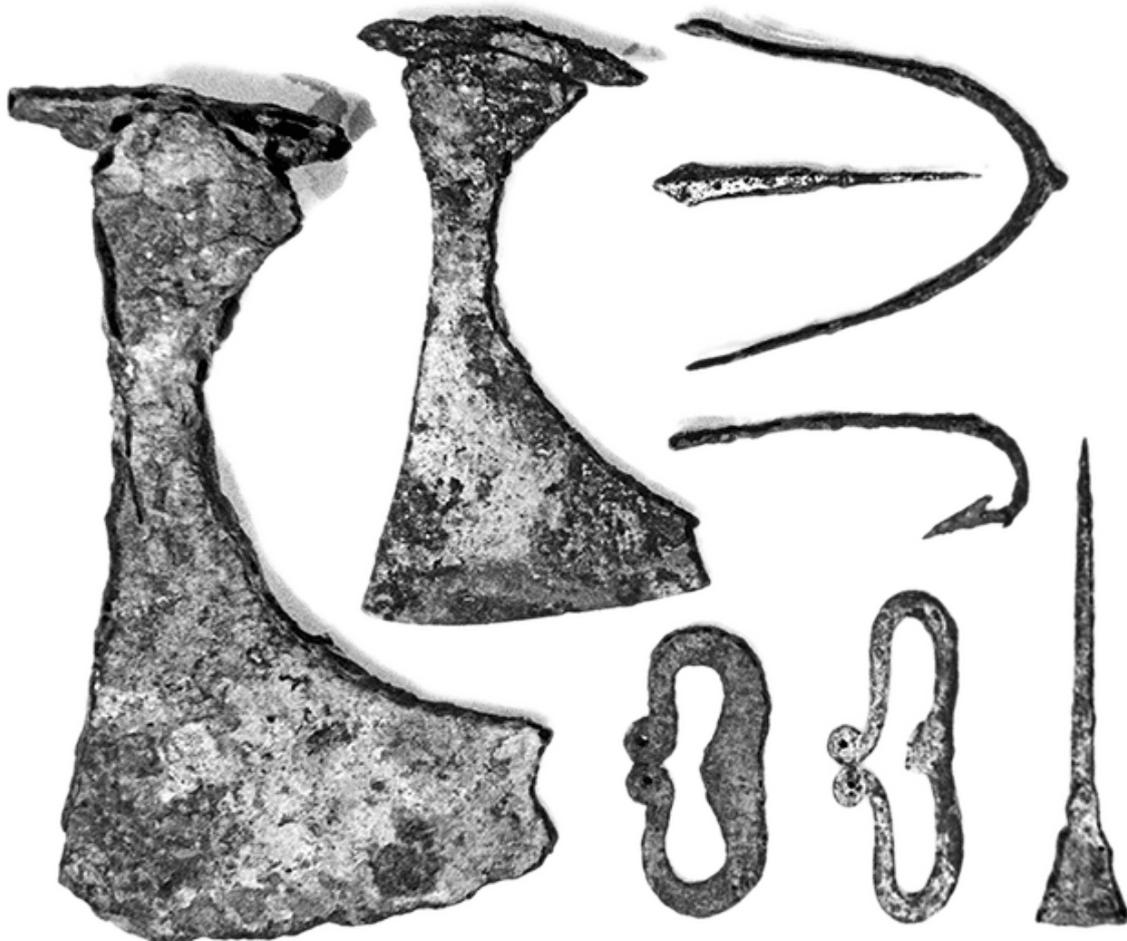
Между тем киевский Изяслав и галицкий Ярослав со своими союзниками в 1158 году начали междоусобную войну. Ярослав пошел на Киев. Изяслав вернул к себе на службу Берладника, позвал на помощь степняков-берендеев и половцев хана Вашкорда.

Война оборачивалась для Изяслава удачно. Он осадил Ярослава и его союзников в Белгородской крепости, под Киевом. Но ночью берендеи, решившие извлечь пользу из этой войны, послали человека к осажденным с предложением: если им хорошо заплатят, они согласны изменить Изяславу Давыдовичу.

Сделка состоялась.

В полночь берендеи скрытно сели на коней и черной массой понеслись к крепости. Изяслав проснулся, поскакал к лагерю берендеев и увидел, что над ним поднимается дым: лагерь был пуст и подожжен. Война была проиграна. Вскоре Изяслав Давыдович погиб.

Берладник бежал в Византию. Но там до него добралась мстительная рука Ярослава. В 1161 году он был отравлен и умер в Фессалониках.

Предметы домашнего обихода XII в., обнаруженные во время археологических раскопок в Новгороде-Северском. Украина

Главный враг Ярослава Осмомысла был убит, но Галич оставался ему враждебен, хотя никто не смел перечить сильному и хитрому князю. Да и в семье у князя было неладно. Ярослав не любил свою жену, отдалил ее от себя, и тому была простая причина: он влюбился в Настасью, женщину незнатного происхождения. И когда у них родился сын Олег, Ярослав стал пренебрегать не только женой, но и сыном Владимиром. Юношеские годы Владимира Галицкого прошли в атмосфере небрежения, ненависти, обид и унижений, боярских интриг, материнских слез, страха перед будущим. Городом правила Настасья, сын ее был соперником и смертельной угрозой первой жене и Владимиру: хотя и незаконный, но все же княжеский сын, значит, князь.

Коварный епископ Антоний сохранил свой пост в Чернигове, а княгине с детьми пришлось перебраться в Новгород-Северский, к старшему сыну.

После столичного Чернигова Новгород, где Игорь не был с раннего детства, показался ему тихим и маленьким. Княжеский детинец, обнесенный тыном из серебряных от старости бревен, стоял на высоченном обрыве над рекой. Дальний берег был совсем плоским – ни холмика. Зеленными пятнами по нему были разбросаны рощи, черными горстками домов – деревни. В дымке, у далекого горизонта, начиналась степь, оттуда выскакивали порой стаи половецких всадников, и тогда загорались деревни, а их жители спешили в Новгород, чтобы укрыться от врагов.

По узким, крутым, промытым в обрывах дорогам наверх тянулись окруженные людьми подводы с добром, брели коровы и овцы, а навстречу потоку беженцев уже спускались вереницей, цепляясь концами копий за свисающие ветви яблонь, дружинники старшего брата.

Завидев красные щиты дружинников, половцы смеялись, кричали с того берега. Свистели стрелы, ударяясь на излете о кольчуги. Потом половцы стегали нагайками коней и спешили прочь, чтобы увезти добычу и пленных, пока дружинники перебираются через неширокую Десну на плотках и лодках.

К концу лета, когда на кривых, сбегаящих с холмов улочках Новгорода желтели упавшие с деревьев яблоки, а на рынке у монастыря торговали с телег зерном, прискакал гонец. Его давно ждали. Едет посольство из Великого Галича, везут невесту для княжича Игоря.

Этот брак подготовил еще покойный отец. Он хотел скрепить союз Чернигова и Галича. Теперь Чернигов потерял, но Ярослав Осмомысл понимал, что сыновья Святослава – не последние из русских князей, они еще свое возьмут. И потому не стал отказываться от уговора. Ефросинья как раз исполнилось четырнадцать лет – пора замуж.

Ефросинья уезжала из Галича без сожаления. В Галиче было страшно. Мать все время плакала, запиралась со своими боярами, они шептались, грозили мстостью Настасье и отцу. А отца она и не видела: не заходил он в терем законной жены. Ефросинья думала, что если все равно положено выходить замуж, то лучше дома, на Руси. Княжич Игорь молод, а могли бы просватать за старика.

Путешествие было долгим, ехали три месяца, останавливались в Киеве, потом в Чернигове. От Чернигова пошли светлые лиственные леса, деревень было меньше, и казались они беднее. Порой встречались пепелища – посольство въезжало в пограничные со степью места. Из Новгорода-Северского прислали дружину, чтобы охранять невесту. Старший брат Ефросиньи Владимир, которого отец отпустил на север, ехал с новгородскими дружинниками и мечтал о том, чтобы напали половцы. Тогда он покажет им, какие в Галиче есть витязи. Но половцы не напали.

Княжича Игоря Ефросинья увидела, когда приехала в тихий деревянный Новгород-Северский, взлетевший над Десной, словно плывущий по небу. Игорь оказался высоким худым подростком. Светлые прямые волосы до плеч, глаза серые, короткий нос и крутой отцовский подбородок.

Толстая суетливая свекровь расстраивалась, что девочка мало ест, подкладывала ей пироги. Крепкий чернявый Владимир быстро подружился с Игорем, они убежали к реке, к рыбакам.

Ночью Ефросинья долго сидела у окошка. Деревянный терем поскрипывал, вздыхал от чьих-то шагов. За окошком была бесконечная равнина, освещенная луной, далеко мерцали огоньки. Красным пятнышком горел костер у реки: в ночном пасли коней. До Галича было так далеко – не доехать...

Откуда ей было знать, что ее любовь, ее боль станут темой великой русской поэмы, что через много столетий русский школьник будет повторять горькие слова ее плача, что сотни художников будут рисовать тонкую фигурку, стоящую на крепостной стене. Что образ ее станет воплощением женской любви, верности и терпения. Идут века, а Ярославна все плачет на городской стене...

В. Г. Перов. Плач Ярославны. 1881 г.

Ефросинья Ярославна, невеста княжича Игоря, потеряла кулачками глаза, потянулась, задула свечу и пошла спать...

Братья Святославичи подросли, наступило им время поучиться ратному мастерству. И если в грандиозном походе великого князя Киевского Мстислава в 1168 году, когда войско русских князей разгромило половцев и привезло в Киев сказочную добычу, Игорь не участвовал, то в событиях, последовавших за этим походом, мы уже видим Игоря.

События в Киеве в 1169 году были вызваны не только очередной вспышкой вражды князей, но и появлением фигуры, которая знаменовала собой новый этап русской истории. Речь идет об Андрее Боголюбском. Энергичном и властолюбивом князе Владимиро-Суздальском. Владимиро-Суздальской Руси суждено будет стать центром Российского государ-

ства – именно сюда постепенно переходят основные торговые пути, здесь наиболее активно растут города, среди них – Москва. Сюда не доходят половцы, да и разорительные междоусобные войны бушуют южнее. Князья сражаются за Киев, Чернигов, Галич, и, вмешиваясь в эти войны, владими́ро-суздальские князья редко опасались ответных действий соперников.

Б. А. Чориков. Великий князь Мстислав Изяславич. Гравюра. XIX в.

Битва новгородцев с суздальцами в 1170 г. Икона «Богоматерь Знамение»

Владимиро-суздальские князья стараются укрепиться в Новгороде и Пскове, борются с самовластием собственных бояр и к середине XII века уже притязают на главенство в стране.

Юрий Долгорукий ходил на Киев и сам претендовал на киевский престол, тогда как его сын Андрей вмешивался в общерусские дела, не покидая своей резиденции во Владимире,

а если и ходил в походы, то на Новгород или на Волгу – на болгар. Он не считал нужным утвердиться в столь соблазнительном для родственников Киеве, но хотел, чтобы там сидел его человек. К неудовольствию родичей, Андрей старался манипулировать ими в своей игре.

Зато братьев и сыновей Андрей посылал в походы. Послал он их и на великого князя Киевского Мстислава в 1169 году.

Андрей Боголюбский. Реконструкция по черепу М. М. Герасимова. 1939 г.

В большом войске, сколоченном дипломатией Андрея Боголюбского, были и молодой князь Игорь Святославич с братом, были там сын и младший брат Андрея. Сам Андрей ждал вестей дома. Подступив к славному Киеву, князья начали осаду. Кияне твердо стояли за своего князя. Но в конце концов город пал, и Мстиславу еле удалось бежать. И тогда случилось дотоле небывалое на Руси, что говорит о явной моральной деградации русских князей: впервые Киев был взят как вражеский город и отдан на разграбление войску, наполовину состоявшему из степняков. Были сожжены церкви, даже знаменитый Киево-Печерский монастырь. Большинство населения было либо перебито, либо уведено в плен, и, как говорит летописец, «были в Киеве на всех людях стон и тоска, печаль неутешная и слезы непрестанные».

Междоусобица русских князей. Взятие и грабеж Киева в 1169 г. Миниатюра Лицевого летописного свода. Середина XVI в.

В последующие годы Киев возродился, но удар ему был нанесен непоправимый. Киев лишился роли главного города страны. Теперь он просто город, просто добыча, на него можно ходить походами и грабить, как любой другой. Степнякам, с благословения христи-

анских князей, дозволено убивать, насиловать и грабить. С этого момента половцы смелее вмешиваются в русскую политику – за услуги им платят не только добром, но и кровью.

...По горящим улицам Киева проезжал на половецком коне девятнадцатилетний князь Игорь. Он был одним из победителей, он познал опасность и битву, он вкусил безнаказанность сильного. Ведь и он с братом увозил из Киева обозы с добычей, награбленной в домах и церквях, его воины вели рабов: детей, женщин, мастеров – единоверцев и соотечественников. Нет никаких оснований полагать, что Игорь был лучше или совестливее других князей. Никто из победителей не выразил раскаяния, не услышал плач своих жертв. Это были последние уроки в школе, которую проходил Игорь. Они во многом определяют его жизнь.

Ближайшим последствием разгрома Киева было нарушение баланса сил в борьбе со Степью. В следующем году половцы снова пришли в окрестности Киева, и никто не смог их остановить. Затем Киев переменял властителя, и этот князь позволил его ограбить хану Кончаку, своему родственнику и союзнику. Обобранный город, Кончак ушел в степь.

Один только князь Василько, которому принадлежал городок Михайлов, решил отомстить половцам. С небольшой дружиной он неожиданно напал на них на дневке, когда те отпустили своих коней пастись по береговым лугам. Отважный поступок этот был безрассуден. Силы Кончака были несоизмеримы с васильковской дружиной. Кончак разбил Василька, и тому с остатками дружины пришлось бежать в Михайлов. Половцы разграбили окрестности Михайлова, осадили сам городок, но взять его не смогли. И тогда киевский князь со всем своим войском пришел на подмогу к половцам. Михайлов был захвачен и сожжен.

Но предателю не удалось воспользоваться плодами своей политики. Князь, приведший половцев грабить русские святыни, был ненавистен жителям Киева. Неудивительно, что они свергли и убили его.

В Киеве воцарился другой князь – из враждебной Андрею Боголюбскому ветви. К тому же Андрей только что потерпел сокрушительное поражение от новгородцев. Остатки его войска еле добрались до владимирских земель.

Звезда Андрея Боголюбского катилась к закату. Еще вчера он был вершителем русских судеб. Сегодня этот властолюбивый, суровый государь уже не столь страшен.

Но Андрей Боголюбский не желал мириться с поражениями. Он потребовал, чтобы ему выдали убийц киевского князя и чтобы кияне передали престол его младшему брату Михаилу. Когда же враги не послушались и Киева не отдали, Андрей приказал поднять дружины северных князей. В пятидесятитысячной армии Андрея были дружины ростовские, суздальские, владимирские, переяславцы, муромцы, белозерцы, рязанцы и многие другие.

Боголюбская икона Божией Матери была написана по повелению Андрея Боголюбского в память о явлении ему Богородицы. XII в.

Войско вели молодые князья – новое поколение, жаждущее власти, земель, добычи, ему не было дела до законов чести и старых преданий. Командование армией Андрей поручил своему сыну Юрию (будущему грузинскому царю), приставив к нему опытного воеводу Бориса Жидиславича. Среди вождей похода мы видим и северских князей – молодых Олега и Игоря.

К исходу лета войско Северо-Восточной Руси подошло к Киеву.

Но штурм не последовало. Князья, собравшиеся в Киеве, благоразумно ушли из города, заняв близкие к нему крепости. Эти-то крепости и осадил армия Андрея.

Игорь со своей дружиной обложил Вышгород, с ним были дружины других младших князей. Осажденные устроили вылазку и потеснили центр противника. Но их немногочисленная дружина оказалась в кольце врагов. Настало страшное смятение, говорит летописец, слышались стоны, крики, раздавался треск ломающихся копий, звон мечей, в густой пыли нельзя было различить ни конного, ни пешего. А когда войска, утомившись, разошлись, то оказалось, что раненых тьма, но погибли в этой свалке немногие.

Осада продолжалась до глубокой осени. Уже выпал снег, стало труднее кормить войско, потому что Киев был снова разграблен, окрестные села сожжены, а припасы с севера поступали плохо. Люди, направленные волей далекого Андрея Боголюбского, были разочарованы тяжелой войной. Внезапно появился полоцкий князь со свежим войском. Шел он на помощь рати Андрея и должен был нанести последний удар, но, подойдя к Вышгороду, одумался и, вместо того чтобы бросить свою дружину в бой, вступил в переговоры с князьями Северскими, предложив им Чернигов, если они помогут ему отвоевать киевский престол.

В. М. Васнецов. Князь Андрей Боголюбский. 1885–1886 г.

Ситуация была весьма драматичной. Ведь престол добывали для ставленника Андрея Боголюбского. Новый поворот дел лишал войну всякого смысла. Игорь с Олегом на сделку не решились. Тогда полоцкий князь связался с защитниками Вышгорода, и те, долго не раздумывая, согласились отдать ему Киев.

Как только весть об этом докатилась до многочисленных Андреевых союзников и до Киева, в войске началась паника. Разнесся слух, что с юга надвигаются галичане, что идет несметная армия черных клобуков. Победители мечтали лишь об одном – поскорее вернуться домой.

На следующее утро, выйдя на стены Вышгорода, осажденные увидели, что громадное войско бежало к Днепру. Ломая прибрежный ледок, воины бросались в воду, дрались за место в лодках. Хрипели и тонули кони, в суতোлке народу погибло больше, чем при штурмах Вышгорода.

Увидев это, осажденные вышли из крепости и принялись рубить у берега тех, кто еще не успел прыгнуть в воду. Многих убили и еще больше взяли в плен.

Без добычи и чести тянулись от Днепра на север остатки могучей рати, разбредаясь по своим городам.

Разгром под Киевом ознаменовал конец могущества Андрея Боголюбского. И прежде непрерывные войны нарушали жизнь государства и больно ударяли по его зажиточным

слоям, в первую очередь по боярству. Центром боярской оппозиции были старые города княжества – Суздаль и Ростов, которые ревниво относились к новой столице – Владимиру. Там Андрей Боголюбский, собрав русских мастеров и призвав зодчих из Византии, камнерезов из галицкой армянской колонии и от германского императора Фридриха Барбароссы, с которым состоял в переписке, возвел белокаменные соборы, в Боголюбове, под Владимиром, построили царский дворец, а неподалеку – прекраснейший русский храм – церковь Покрова на Нерли.

Церковь Покрова на Нерли близ Боголюбово. XII в. Россия

К концу жизни Андрей, всегда никому не доверявший, стал еще более мнительным. Впрочем, он не без оснований подозревал бояр в заговорах. Начались казни. В числе прочих был казнен боярин Кучка, отец которого был первым владельцем Москвы. Бояре отвечали враждой. Когда Андрей после провалов под Новгородом и Киевом замыслил поход на бол-

гар, он две недели прождал в условленном месте бояр с отрядами, а те так и не пришли – чувствовали, что конец князя близок.

К середине 1174 года напряжение в княжестве достигло предела. Андрей был в Боголюбове один. Братья воевали на юге, а наследник престола Юрий отбыл в Новгород, который решил замирился с Андреем и призвать его. При Андрее оставался лишь один верный человек – его фаворит Прокопий, ненавидимый боярами.

Составили заговор. Во главе его стоял брат казненного Кучки Яким, остальные были приближенными Андрея из тех новых людей, которыми он, не доверяя старой знати, окружил себя в последние годы.

Заговорщики в душе трепетали перед князем. Напившись для храбрости, они ночью толпой вошли в княжеский дворец. Но когда они поднялись наверх и оказались перед опочивальней Андрея, их охватил ужас перед князем, и все двадцать убийц бросились в подвал. Там перевели дух и выпили еще. Приближалось утро, надо было кончать злое дело. Подбодря друг друга, они снова двинулись наверх.

Белокаменный дворец Андрея Боголюбского с церковью Рождества Богородицы в Боголюбове. Реконструкция *Н. Н. Воронина*

– Господин! – позвал Яким, подойдя к двери, чтобы удостовериться, там ли князь.

Чутко спавший старик проснулся и спросил:

– Кто там?

– Это я, Прокопий, – быстро ответил Яким, прижав ко рту ладонь, чтобы ответ прозвучал невнятно.

Андрей толкнул спавшего у его постели слугу:

– Мальчик, ведь это не Прокопий?

Но убийцы, наваливаясь друг на друга, уже выламывали дверь.

Нападение на Андрея Боголюбского заговорщиков Кучковичей. Миниатюра Радзивилловской летописи. Конец XV в.

Андрей бросился к стене, где всегда висел меч. Меча не оказалось. Один из заговорщиков выкрал его еще вечером.

Убийцы ворвались в опочивальню и кинулись на старика. Он свалил первого из них, и остальные заговорщики, решив, что упал князь, начали колоть ножами своего же товарища. Сообразив по его крикам, что убивают не того, они скопом кинулись на князя.

Отбиваясь из последних сил, Андрей кричал:

– Нечестивцы! Какое зло я вам сделал?

Наконец он упал под ударами и затих. Даже неподвижный, в слабой рассветной синеве, проникавшей сквозь маленькие окна опочивальни, он был страшен. Убийцы, теснясь в дверях, спешили уйти.

Смерть Андрея Боголюбского. Миниатюра Радзивилловской летописи. Конец XV в.

Когда они уже готовы были идти со двора, чтобы торжествовать победу, они услышали шум, потом стон.

Кто-то побежал обратно.

И увидел, как, оставляя кровавый след, князь ползет вниз по лестнице...

И они снова накинлись на него. И добились.

Когда во Владимир пришло известие о смерти князя, начались волнения. Убивали тиунов, княжьих слуг, грабили лавки.

Никто в Боголюбове не пожалел князя. Рассказывают, что его старый слуга Кузьма Киевлянин спрашивал всех, где тело князя. Ему отвечали: «Вон лежит, вывлочен в огород, да ты не смей брать его, хотят выбросить собакам...» Кузьма нашел тело и стал над ним плакать. Тело было обезображено и покрыто засохшей кровью. Ключник Анбал, пьяный, веселый, гнал Кузьму, угрожая смертью. Старый слуга не испугался и начал просить:

– Дай хоть ковер или что-нибудь подостлать и прикрыть господина нашего.

– Ступай прочь, – засмеялся Анбал, – мы его собакам отдадим.

– Ах ты еретик! – возмутился Кузьма. – Собакам выбросить? Да помнишь ли ты, в каком платье пришел сюда? Теперь ты стоишь в бархате, а князь нагой лежит, но прошу тебя честью, дай что-нибудь.

Храм Рождества Богородицы XVIII в. и остатки палат Андрея Боголюбского XII в. (ниже шатра колокольни). Россия

Анбал усовестился, сбросил из окна ковер. Кузьма завернул тело князя. Пришел мальчик-слуга, на глазах у которого произошло убийство. Он все еще дрожал. Вместе с Кузьмой они отнесли тело к церкви. У церкви встретились другие заговорщики и несколько княжеских слуг. Все были пьяны. Кузьма стал просить, чтобы его пустили в среднюю часть храма, а ему со смехом отвечали:

– Брось в притворе. Вот носится, нечего ему делать.

Золотые ворота во Владимире, построенные в 1164 г. при князе Андрее Боголюбском

Летописец писал это по свежим следам событий. Он был удручен человеческой жестокостью.

Никого из священников не было – все разбежались, попрятались. И Кузьме пришлось положить тело, покрытое ковром, в притворе. Пьяные победители глумились над телом, плевали на него, пинали... Двое суток тело князя пролежало в притворе, пока не пришел игумен дальнего монастыря Арсений.

– Долго ли нам смотреть на старших игуменов? – сказал он. – Отоприте церковь, отпою над ним и положим его в гроб. Когда злоба эта утихнет, придут из Владимира и перенесут его туда.

Видно, монах был не одинок. Ему помогли отнести князя в церковь, пришли клирошане, местные, боголюбские, пришли другие люди. Наступало отрезвление.

Дня через три угасли волнения во Владимире. Расправившись с обидчиками, горожане начали осуждать убийц князя. В городе уже многие понимали, что сюда спешат братья покойного, известные своей крутостью, а из Новгорода скачет сын Юрий. Они будут искать виноватых.

На шестой день владимирцы вытащили из домов оробевших игуменов и протопопы и заставили их отправиться в Боголюбово и нести оттуда гроб во Владимир. Весь город вышел на улицы, многие плакали и жалели князя. Не было только убийц. Они опасались, и не без оснований, что их могут растерзать. Но они прожили еще несколько недель, пока в город не вошли дружинники братьев Андрея. Тогда убийц казнили.

Юрий Андреевич опоздал во Владимир. Схватка за престол началась до него. После ряда сражений Андрею наследовал его брат Всеволод, по прозвищу Большое Гнездо.

Он и в самом деле был «большим гнездом». Восемь сыновей да дочка Верхуслава дожили до зрелых лет. Всех надо было обеспечить уделами. Для Юрия Андреевича удела не оказалось.

Всеволод Большое Гнездо. Портрет из Царского титулярника. 1672 г.

Юрий подчинился воле дяди и покинул Русь. Отъезд был, видимо, добровольным. В ином случае он мог примкнуть к многочисленным врагам своего рода. Князь, уехавший из своей страны, – явление исключительное.

К началу восьмидесятых годов Юрий оказался на Северном Кавказе. Объяснение этому можно искать в родственных связях. При дворе Андрея Боголюбского были осетины. Даже глава заговора, ключник Анбал, принадлежал к ним. Осетинкой была и тетка Юрия, жена Всеволода Большое Гнездо.

Проиграв схватку за трон, Юрий Андреевич исчезает из истории Руси, чтобы возникнуть в истории Грузии мужем и соперником царицы Тамары.

Почти весь XII век киевский престол был яблоком раздора для русских князей. Подсчитано, что только за тридцать лет, с 1146 года, на нем сменилось двадцать восемь человек. И очень мало кому из них удавалось удержаться в Киеве хотя бы несколько лет. Бывали князья, что правили один день, а то и меньше. Стремясь оградить город от разорения и грабежей, киевские бояре, настоящие его хозяева, старались подыскать князя, который мог бы защитить город, но притом не разорить его.

Лишь в 1176 году для киян наступило некоторое облегчение. Престол на восемнадцать лет занял князь Святослав Черниговский, и Киев начал залечивать раны, нанесенные предыдущими войнами.

Особенности развития русского феодализма определялись молодостью русской государственности, противостоянием со Степью и своеобразием феодального слоя – все князья были родственниками, что обуславливало сложнейшую внутривластную обстановку.

Скандинавы называли Русь страной городов. Города были многочисленны, укреплены, но, как правило, не обособлены от князей. Если в Западной Европе феодал, как правило, обитает в родовом замке, а город, центр торговли и ремесла, старается не допускать его в свои дела, то в России феодальных замков было немного, и каждый город старался заполучить себе на жительство князя. Города еще не сознавали своей силы – исключение составляли те, что вышли на арену международной торговли, в первую очередь Новгород. Князь – это дружина, это защитник. Ведь в безумии междоусобных войн любой город был желанной добычей. Чтобы продолжать борьбу за власть, князья были вынуждены любой ценой добывать деньги. А для этого был привычный путь – грабеж. Грабили волости соседей, грабили города. Значит, лучше платить подати своему князю, чем отдавать добро грабителю из соседнего княжества.

В течение всего XII века города, несмотря на войны и грабежи, крепили, богатели, и потому процесс обособления их от княжеской власти шел активно. Призывая князя, город заключал с ним договор, и князь принимал определенные обязательства перед ним. Другое дело, что мир был настолько зыбок и ненадежен, что князья чувствовали себя «халифами на час» и грабили собственные владения. Тогда горожане звали другого князя. В Новгороде этот процесс завершился победой горожан. В Галиче фактическими хозяевами стали бояре.

Процесс основания новых городов шел очень быстро. Причиной этого было не только экономическое развитие государства, но и опасность, исходившая от степняков. Вся южная граница Руси застраивалась городками, которые были первоначально лишь убежищами для сельского населения, спасавшегося от половцев. Но год от года такие городки крепили, через них проходили торговые пути, там селились ремесленники. По мере того как половцы отступали дальше в степь, вслед за ними двигались и новые города. Южнее Курска вырос Донецк – он успешно, даже порой без помощи князей, отбивался от степняков.

Междоусобные войны тоже способствовали бурному росту городов. Феодальные армии занимались грабежом привычно и деловито. Поэтому села стремились группироваться вместе, а возведенная стена или вал уже гарантировали некоторую безопасность: проходящая дружина не задерживалась для штурма города. Князья вообще не очень любили осады и штурмы. Каждое новое разорение гнало в город беженцев. При войне же окрестные жители обязательно бежали прятаться под защиту стен. Города были необходимостью и благом.

Князь Игорь против хана Кончака

Игорь с братьями смело бросались в авантюры, и, судя по летописям, жизнь в седле для Игоря была обычна. Не было года, чтобы северские Ольговичи не ввязывались в очередную княжескую свару. В середине семидесятых годов они напали на Стародуб, ограбили его окрестности, взяли богатую добычу. Но тут же Святослав Киевский отомстил им, напав на Новгород-Северский, и вся их дружина оказалась в плену. В 1179 году старший из братьев, Олег, умер; Святослав созвал в Любече оставшихся в живых Ольговичей, и они договорились жить в мире.

Святослав утвердил Игоря князем Северским вместо Олега, Чернигов уступил своему брату, а сам остался в Киеве.

Наконец-то у тридцатилетнего Игоря есть свое княжество, и он становится одним из наиболее влиятельных русских князей. Небольшое по площади, Северское княжество играло важную роль, так как граничило со степью. Основными городами были Новгород-Северский, Путивль и Курск.

В последующие годы Игорь участвовал в новой большой войне, которую Святослав вел с коалицией князей во главе со Всеволодом Большое Гнездо. На стороне Святослава выступил половецкий хан Кончак. Перипетии этой кровавой и разорительной войны сложны и запутанны...

Но, в конце концов, летом 1181 года половецкие рати под общим командованием Игоря и Кончака расположились вдоль Долобской старицы Днепра. На них наступали степное войско черных клобуков и дорогобужский князь Мстислав Владимирович³.

Черные клобуки, шедшие в авангарде, напали на половецкий обоз и занялись грабежом. Половцы и дружинники Игоря пришли на помощь обозу. Спасаясь, клобуки ворвались в стан Мстислава и подняли там панику, крича, что вся армия разбита. Тогда побежал за ними и Мстислав.

Но бегство князя не решило исхода битвы. Как рассказывает летописец, «лучшие из мужей остались: Лазарь воевал с полком Рюриковым, и Борис Захарыч с полком своего княжича Владимира, и Здислав Жирославич с Мстиславским полком».

В стране, где войны ведутся постоянно, должны выковываться кадры профессиональных военных. И чем дальше, тем меньше среди них князей и тем большую роль играют незнатные командиры. Зачастую князь, участвуя в походе, оставляет военные вопросы воеводам. Роль воевод была еще важнее, чем о том рассказывают летописи. Ведь летопись – это княжеское придворное писание. Так что, даже если князь во время боя пил брагу в своем шатре или ловил рыбу в ближайшей реке, победные лавры доставались ему. Князья были ревнивы к воинской славе, так что настоящие полководцы редко появляются на страницах летописей.

³ Среди русских князей было много тезок. Детей называли в честь знаменитых родственников, а так как знаменитые родственники тоже бывали тезками, то практически в употреблении был всего десяток имен. Поэтому одновременно жили и действовали, как минимум, полдюжины Святославов и Всеволодов, чуть поменьше Владимиров и Мстиславов, Изяславов, Глебов, Игорей, Ярославов и Юриев. Среди них часто встречались полные тезки: Ярославы Святославиичи или Мстиславы Изяславиичи. Так что летописцам приходилось указывать, из какого княжества пришел тот или иной Мстислав. Когда не ставишь целью написать историю этого периода, а пытаешься проследить жизнь некоторых князей, вновь и вновь возникающие одинаковые имена приводят в тупик. В этом повествовании число имен, насколько это возможно, ограничено, однако совсем без тезок обойтись не удалось.

Вид на Новгород-Северский кремль XII в. Украина

Главнокомандующий бежал, но ничего страшного не произошло. Воеводы выстроили свои полки, и, когда дружина Игоря и половцы бросились на них, тяжелая конница и лучники держались стойко. Враги разбились об их стену. Разгром половцев был страшный, почти вся армия их была изрублена. Погибли два хана, в том числе брат Кончака, а два его сына попали в плен. Игорь с Кончаком прыгнули в лодки и спаслись.

Итак, в 1181 году князь Игорь и Кончак – союзники. Они вместе бегут в Чернигов и, возможно, даже беседуют по-половецки, ведь Игорь по матери половец.

Из Чернигова Игорь с Кончаком отправились в Новгород-Северский, который лежал на пути половецкого хана к его кочевьям, там совещались, что делать дальше, может быть, договаривались, что семьям пора породниться. У Игоря подрастали сыновья, у Кончака была на выданье дочка. Но вскоре после того, как они расстались, логика событий начала отталиваться друг от друга.

Солист Государственного академического Большого театра СССР Борис Морозов в роли Кончака в опере А. П. Бородина «Князь Игорь»

Кончак был умелый политик и опытный воин. Мир Степи был так же суров и сложен, как и мир Руси. Половцам самим приходилось все время оборонять свои кочевья с востока, откуда наступали другие степные народы, им надо было охранять свои вежи от русских.

После разгрома под Киевом Кончак мстил за брата и сыновей, но конными набегами мало чего добьешься. И хан решил перестроить свою армию. Он понимал, что цепь русских пограничных городов становится крепким заслоном на пути половецких набегов. Сами пограничные города были небогаты – основная добыча таилась в глубине Русской земли, а пробиваться туда становилось все труднее. Половцы могли получать долю добычи, лишь согласившись на сомнительную роль наемников, как это было под Киевом.

Кончак избрал иной путь. Он сам возьмет Киев.

Хан начал готовиться к войне. Он выписал иноземных мастеров, чтобы они изготовили стенобитные орудия и катапульты – тяжелую артиллерию Средневековья, без которой большой город не взять.

Это были годы затишья на рубеже Степи.

Подготовка половцев к походу на Русь не была секретом для великого князя Киевского Святослава. Связи между половецкими станами и русскими княжескими дворами никогда не прерывались, передатчиками информации были торки, что занимали пограничье. Половцы блокировали днепровский торговый путь, отлично понимая, что это вызов, который русские князья вынуждены будут принять. Знали на Руси и о том, что Кончак борется с самовластием других половецких ханов, стараясь собрать в кулак все силы Степи.

Великий князь Святослав созвал русских князей в поход на половцев весной 1184 года. В нем участвовали многие князья, в том числе и Игорь с младшим братом Всеволодом.

Как только русская армия углубилась в степь и начала приближаться к половецким кочевьям, произошла ссора между Игорем и переяславским князем Владимиром. Владимир потребовал, чтобы ему позволили идти в авангарде: авангарду достается основная добыча. Игорь, который замечал в походе великого князя, категорически отказался пустить Владимира вперед. И тогда тот в самый разгар кампании покинул армию.

Войско продолжало путь и вскоре натолкнулось на половецкие кибитки. Было побито много половцев и взят полон, но тут поход прервался.

Примчавшийся гонец сообщил, что обиженный Владимир Переяславский пошел не к себе домой, а на Северскую землю. Он сжигал села, уводил пленных, разрушал городки, в то время как остальные князья храбро воевали в степи.

Игорь повернул свою дружину обратно. Но пошел не домой, а на переяславский город Глебов – город был взят и уничтожен.

В результате похода на половцев пострадала только Русская земля. Какие бы пламенные речи о необходимости борьбы с половецкой опасностью ни говорили летописцы, как горячо бы ни выступал за единство великий князь Киевский, доверия между князьями не было, и ненавидели они друг друга порой больше, чем половцев.

Летом того же года сам великий князь Святослав с сыновьями и многими князьями Русской земли собрал невиданную по масштабам армию для похода на половцев, но северские князья к нему не присоединились. Осуждая Игоря за непатриотический шаг, позднейшие исследователи забывают о простой причине: во втором большом походе снова участвовал Владимир Переяславский, никем не осужденный и не наказанный. Больше того, он получил разрешение великого князя идти в авангарде.

Святослав не заступился за Игоря. Он понимал, как сложно собрать князей на общее дело, и предпочитал закрывать глаза на обиды, наносимые его сородичам.

Памятник князю Игорю. Новгород-Северский

Перейдя Днепр у Переволочны, армия пошла степью. В авангарде шли дружина Владимира и легкая берендейская конница. Вскоре авангард столкнулся с передовыми отрядами хана Кобяка. Половцы увидели, что русский отряд невелик, и кинулись на него. Владимир приказал своей дружине стоять твердо, а сам послал гонца к Святославу, чтобы тот поторопился, – его отделял от авангарда целый день пути.

Отразив половцев, Владимир не стал их преследовать, понимая, что впереди находятся главные силы хана Кончака. Кобяк же, соединившись с Кончаком, уверил того, что русских немного: он не знал о движении основной армии. Кончак поспешил вперед, чтобы разбить Владимира. На его несчастье, подоспели главные силы русской армии и в жестоком бою разгромили половецкое войско. По сведениям летописцев, в плен попало семь тысяч степняков, в том числе хан Кобяк с двумя сыновьями и другие ханы.

Цель похода – освобождение днепровского торгового пути – была достигнута.

Однако Кончак не был разгромлен. Пленение ханов освободило его от конкурентов в борьбе за власть и способствовало объединению Степи. Вернувшись в свои кочевья, Кончак продолжал готовить большой поход на Русь.

Что касается князя Игоря, то он все же ходил в то лето в степь, правда недалеко, хотел пограбить половецкие кочевья, пока армия половцев сражается с русскими. Кочевий он не нашел, но встретил половецкий отряд из четырехсот всадников и побил его.

В феврале войско Кончака снова двинулось на Русь. Конечной целью похода был Киев, где томились в тюрьме пленные ханы. В обозе везли огнемётные орудия, которые ему сделал один басурманин. Летописец сообщает и о «луках, которые могли натянуть лишь пятьдесят человек».

Далее последовали дипломатические маневры. Кончак отлично знал, что черниговские и северские князья не ладят с Киевом. Поэтому он отправил к ним послов, предлагая мир и обещая их земель не трогать. Черниговский князь согласился на мир и послал к Кончаку для переговоров своего боярина Ольстина. Узнав об этом от своих лазутчиков, Святослав Киевский послал в Чернигов письмо, укоряя князя за измену. Тот ответил, что не может нарушить слово. Затем Святослав обратился к князю Игорю, повелев ему выступить против половцев.

Получив приказ, Игорь созвал боярскую думу и, как утверждает летопись, патетически воскликнул:

– Не дай бог нам отказаться от похода на поганых! Поганые всем нам общий враг!

Затем Игорь принялся обсуждать с боярами, как лучше соединиться с войском Святослава, идущим навстречу половцам. Тут воеводы начали якобы отговаривать Игоря, утверждая, что посланец из Киева прибыл слишком поздно. Но Игорь все же настоял на походе, вышел в поле, но попал в туман на реке Суле. Туман был такой густой, что пришлось вернуться. И, сокрушенный неудачей, Игорь остался дома.

В своем исследовании о «Слове» академик Б. А. Рыбаков доказывает, что Игорь отлично успевал к месту встречи и что все его сетования были только отговоркой. И какой может быть туман в феврале, чтобы войско в нем заблудилось, идя по знакомым дорогам?

Святославу повезло. Ему встретились купцы, которые видели, где остановилось на отдых войско Кончака. Нападение русской армии было внезапным, и Кончак бежал, оставив на поле боя катапульты и огневые машины. Берендейская конница гнала половцев до Хорола.

Большой поход Кончака сорвался, но и очередная победа Святослава опять ничего не решила. Силы Кончака сохранились. Угроза для Руси не ослабла. Поэтому Святослав решил нанести половцам окончательный удар. Всю весну он провел в разъездах и переговорах с князьями. Поход планировался в центр половецких кочевий.

Пока великий князь готовил поход, шли приготовления и в Новгороде-Северском.

Уже много лет идут споры о том, что побудило Игоря опять отколоться от основных русских сил. Апологеты Игоря-рыцаря утверждают, что он отправился в степь ради славы, ради чести русского народа. И это отличает его от прочих князей.

Всеволод Святославич Буй-Тур. Скульптурная реконструкция по черепу, сделанная М. М. Герасимовым

Факты говорят, к сожалению, о другом. Поссорившись с прочими князьями, Игорь готовил свой сепаратный поход именно потому, что полагал: он будет нетрудным и добычливым. Он знал, что Кончак с войском еще в марте был на левобережье Днепра, и полагал, что половцы останутся там, готовясь к новому походу на Русь. Следовательно, если он со своими полками пойдет на восток, то сможет захватить практически беззащитные стано-

вища половцев. К тому же половцы не ждали нападения князя Игоря, с которым у них был мир.

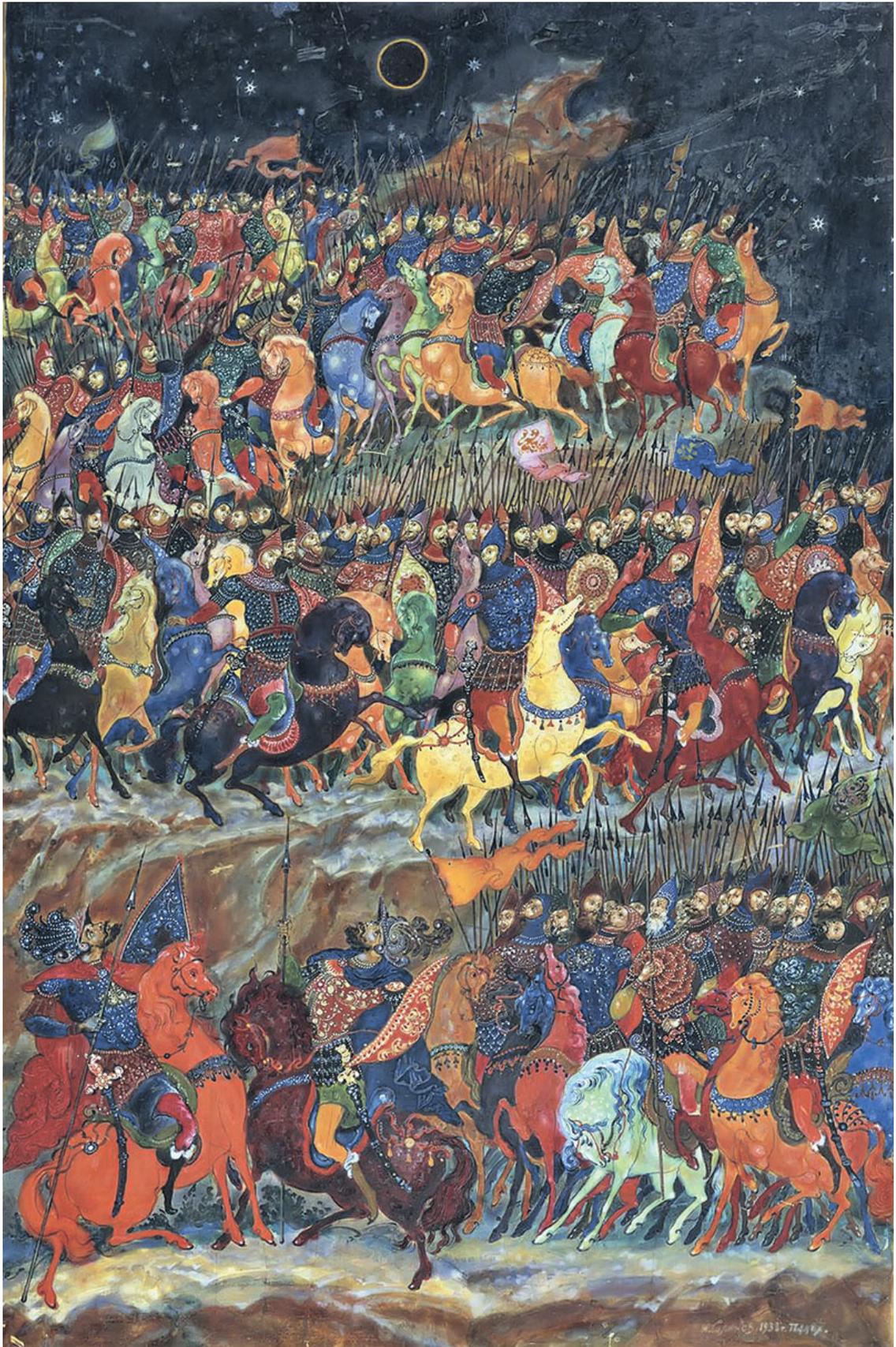
Таясь от половцев и от собственного великого князя, Игорь проводил сбор войск не в Новгороде-Северском, а в небольшом Путивле и в пограничном Курске. 23 апреля Игорь выступил на юг. Участвовали в походе лишь вассалы и близкие родственники Игоря: его брат Всеволод, племянник – князь Рыльский и сын Владимир, которому не было еще и шестнадцати.

Была поздняя весна, дубравы покрылись молодой листвой.

1 мая, вечером, случилось неожиданное и зловещее событие, отмеченное летописцами и ярко описанное автором «Слова о полку Игореве». Солнце, опускавшееся к горизонту, к низким увалам, стало уменьшаться, превращаясь в узкий месяц. «В рогах его яко уголь горячий были звезды видимо и в очах зелено».

Войско остановилось. Тревожно храпели кони, перекликались во внезапно наступившем полумраке воины.

Воеводы подскакали к князю.

И. И. Голиков. Затмение. Иллюстрация к «Слову о полку Игореве». 1934 г.

– Не на добро это затмение, – промолвил кто-то.

Полки примолкли, ожидая, что скажет Игорь. Ведь в те времена никто не сомневался, что такие события, как солнечное затмение, могут быть не чем иным, как знамением неблагоприятным. Вообще-то благоприятных знамений почти не было: для средневекового человека бог был силой карающей.

Игорь не растерялся. Он обратился к войскам:

– Братья мои и дружина! Тайны божии неисповедимы, и никто не может знать его определения. Что хочет, то творит – добро иль зло. Если захочет, он накажет и без знамения. И кто ведает – для нас это знамение или для кого еще, ведь видно затмение во всех землях и народах.

Игорь помнил о разведке и посылал вперед разъезды. Взяли пленного. От него выведали, что половцы знают о приближении Игоревой дружины. Воеводы ратовали за возвращение – уж очень далеко ушли они от дома, вокруг была лишь пустая степь.

Игорь возвращаться отказался.

– Если теперь мы, не бившись, вернемся, – сказал он, – то стыд нам будет хуже смерти. Поедем на милость божию.

10 мая Игорь увидел с холмов за степной речкой половецкие кибитки. Когда русские всадники поскакали вперед, половцы помчались прочь, оставив кибитки врагу. Младшие князья бросились в погоню и только вечером, заморив коней, вернулись к главным силам.

Игорь был встревожен. Может быть, его тяготили предчувствия, а вернее, сказывался опыт. Поведение половцев ему не нравилось, место, где стояла лагерем его дружина, не удовлетворяло. Он приказал той же ночью отступить. Но из этого ничего не вышло: кони отряда, что гонялся за половцами, устали, им надо было отдохнуть. Молодежь – князья и простые воины – была возбуждена, весела: первый бой прошел удачно, почему не быть удачным и завтрашнему бою?

Ночью лагерь спал. Непокойно было только Игорю и опытным воеводам, которые не раз уже ходили в степь. Внутренним зрением они видели, как скачут к степной речке половецкие ханы.

На рассвете лагерь пробудился от топота тысячных отрядов. Земля гудела.

Даже в самом дурном сне Игорь не мог предположить, что ему так не повезет: основные силы Кончака и другого могучего половецкого хана, Гзы, оказались неподалеку. Узнав о походе русских, они в считанные дни настигли Игоря.

По приказу Игоря русские полки начали пробиваться на север, но путь им преградили половецкие отряды. Началась жестокая сеча. День выдался жаркий, кони быстро устали и изнемогали без воды. Но к воде половцы не пропускали. Лишь к вечеру измученные воины пробились к речке.

Битва шла и ночью. Не такая отчаянная, как днем, но поспать русским не удалось. Половцы изматывали их, непрестанно бросая в бой новые силы.

Перелом наступил утром следующего дня, после суток почти непрерывного сражения. Легкая конница союзных степняков бросилась бежать с поля боя, разрушив строй.

Игорь поскакал за беглецами. Он был ранен в левую руку и потому бросил щит. Но степняки не остановились. Пришлось вернуться ни с чем. Сражение продолжалось до полудня, княжеские полки бились, стоя спиной к озеру, но постепенно половцам удалось разъединить их и окружить. Всеволод и остатки войска сложили оружие. В плен попали князь Игорь, его сын и пять тысяч дружинников. Мало кому удалось вырваться. За беглецами бросились стаи легкой половецкой конницы.

Кончак, узнав, что в плен попали русские князья, торжествовал. По двум причинам. Во-первых, у него было много пленников, а это – выкуп. За Игоря половцы установили выкуп в две тысячи гривен, за прочих князей – по тысяче, за воевод – по двести. Это были громадные деньги. Такой запас пленных после ряда поражений позволял рассчитывать на обмен

с русскими. Но еще важнее было другое: с гибелью войска Игоря в русской обороне открылась брешь.

Битва русских с половцами 11 мая 1185 г. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Конец XV в.

...После победы над Игорем возникли разногласия между Кончаком и его союзником – ханом Гзой. Гза хотел воспользоваться моментом и разгромить беззащитное Северское княжество. Кончак рассчитывал на большее, чем грабеж Северской земли. Святослав еще только собирает войска союзных князей, армия его не готова. Можно нанести удар по Киеву!

Ссора между половецкими ханами спасла Русь от грозной беды. Гза и Кончак, так и не сговорившись, повели свои полки в разные стороны.

Святослав, возмущенный поступком Игоря, говорил: «Не сдержали вы молодости своей и отворили ворота поганым в Русскую землю... как прежде я был сердит на Игоря, так теперь мне жаль его стало».

Но времени Святослав не терял. Он немедленно послал в Северскую землю своих сыновей с дружинами.

Кончак ударил по Переяславлю. Город был осажден, и Владимир решил совершить вылазку с небольшой дружиной. Половцы окружили его и изранили так, что дружинники еле живого внесли его обратно в город. От этих ран Владимир вскоре умер. Так Игорь, не ведая о том, руками половцев отомстил своему врагу.

Узнав об осаде Переяславля, Святослав поспешил на выручку. Кончак снял осаду с Переяславля и повернул назад. На обратном пути он осадил город Римов. Город успешно сопротивлялся, но тут – то ли из-за подкопа, то ли от ветхости – рухнули две крепостные башни вместе с защитниками. В наступившей суматохе половцы ворвались в город и перебили его жителей. Добыча Кончака была так велика, что он повернул в степь. Давно не наносили половцы такого удара Русской земле.

С. В. Малютин. Сон Святослава. Иллюстрация к «Слову о полку Игореве». 1906 г.

Если правый берег Днепра Святославу удалось защитить, то левобережье было опустошено половцами. Русские рабы продавались за бесценок – перекупщики сбежали в стан Кончака с Кавказа и с Волги.

Армия Гзы подошла к Путивлю, сожгла его посады, разграбила окрестные села, но взять город не смогла. Подоспели полки сыновей великого князя Киевского. Гза отступил за реку, увозя награбленное добро и пленных, а сына послал вверх по Сейму жечь прибрежные деревни. Сын увлекся грабежом, его настигли киевские войска, и он погиб.

Когда Гза вернулся в кочевья половцев и встретился с Кончаком, Игорь и его дружина все еще были в плену. Гза, потерявший сына, жаждал мести. Он потребовал убить Игоря.

Шлем воина XII в. Россия

Но это не входило в планы Кончака. Игорь был нужен ему живой. Как заложник и как потенциальный союзник.

Игорь не был утеснен в плену. Кончак разрешил ему выписать православного священника – между Новгородом-Северским и станом Кончака поддерживались отношения. Хан даже просватал свою дочь за шестнадцатилетнего Владимира, сына Игоря.

Но, несмотря на такое отношение к пленнику, Кончак не хотел отпускать его бесплатно.

Сколько Игорь пробыл в плену – предмет спора историков. Обычно считается, что он просидел чуть более года: у Ефросиньи Ярославны не было в казне достаточной для выкупа суммы, тем более что половина ее княжества была разграблена половцами⁴.

Узнав о том, что среди половцев зреет план его убить, Игорь склонился на уговоры некоего полукровка Лавра, обещавшего помочь ему бежать. Игорь сначала не верил Лавру, думая, что тот подослан половцами, дабы был предлог его убить «при попытке к бегству». Конюший же и тысяцкий Игоря, которые знавали Лавра, утверждали, что он – «муж твердый, но оскорблен от некоторых половцев, мать же его была русская из области Игоревой». Наконец Игорь сдался. Бежал он вместе с Лавром и несколькими слугами. Одиннадцать дней они шли степью и дубравами, пока не добрались до Путивля. Ярославна, узнав о появлении мужа, бросилась ему навстречу, и «от слез и радости они сказать ничего не могли».

Убедившись, что его княжество находится в ужасном состоянии, Игорь отправился по сильным соседям просить помощи. Поездка была унижительной для гордого Игоря. Вряд ли князья воздерживались от упреков.

Между тем в Киеве шло совещание князей. Кончак не разбит, часть Русской земли разорена. Все, чего добились русские за последние годы, пошло прахом. Можно было сколько угодно корить князя Игоря, но этим дела не поправишь. Над всей Русью нависла угроза.

⁴ В своем исследовании, посвященном «Слову о полку Игореве», Б. А. Рыбаков доказывает, что Игорь пробыл в плену всего полтора месяца и бежал в июне того же, 1185 года. Он полагает, что за это время можно было выписать священника и дожидаться возвращения ханов из похода. Этот труд вышел в 1971 году. Однако в своей более поздней книге, «Киевская Русь и русские княжества» (М., 1982), Б. А. Рыбаков без объяснения причин изменяет этот срок и сообщает, как и большинство историков, что Игорь находился в плену до лета 1186 года.

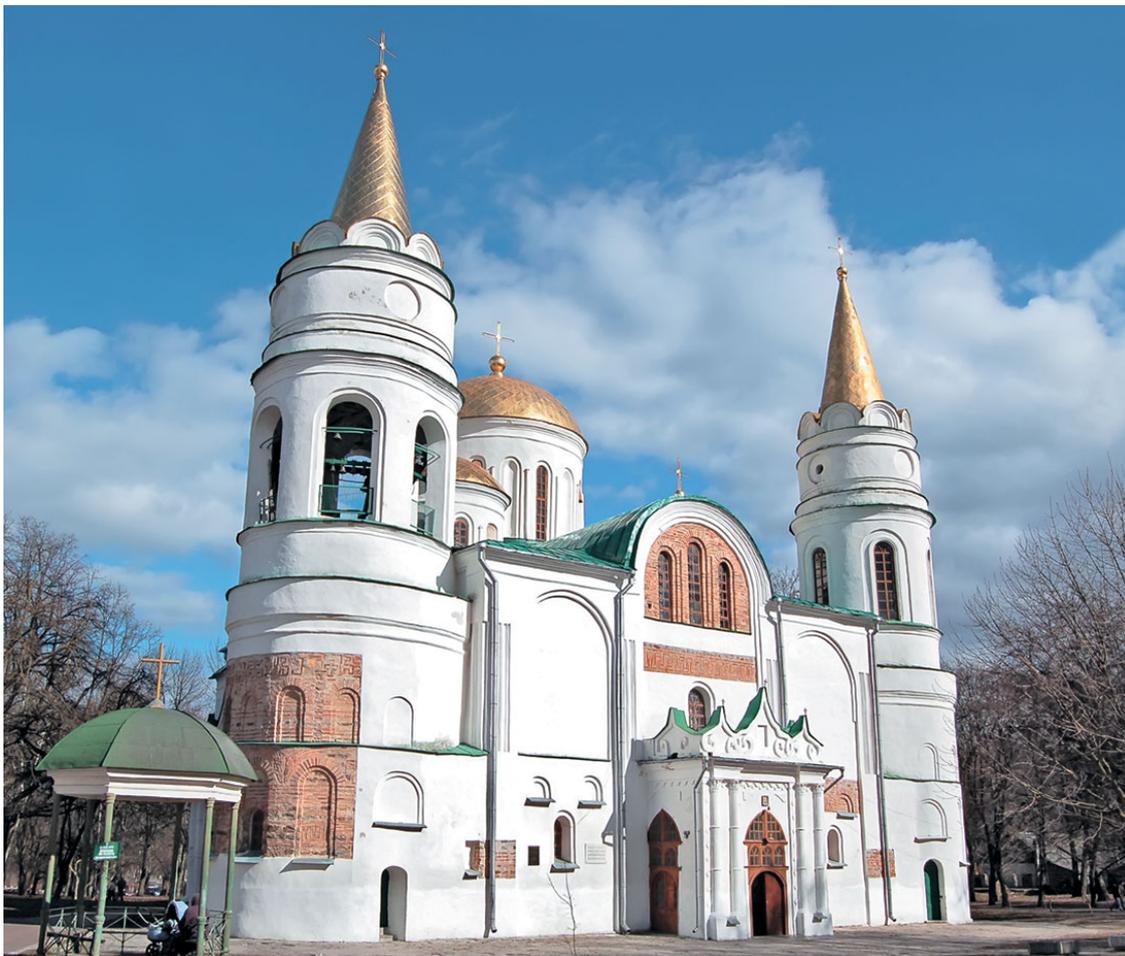
Памятник Ярославне. Новгород-Северский

В это время, вернее всего в Киеве (хотя существуют и другие мнения), жил человек, который написал поэму «Слово о полку Игореве». В ней он рассказал о походе князя, стремясь убедить читателей, что князья должны забыть распри и объединиться в борьбе с общим врагом. Он доказывал, что Русь гибнет, расколота междоусобицами.

Поэт никого не осуждает, хотя укоризна слышится в его голосе. Это торжественный плач по Русской земле. Ведь и читателями и героями поэмы были современники поэта. Они должны были не только читать и умиляться – они должны были действовать.

Было бы преувеличением утверждать, что «Слово» сыграло значительную роль в борьбе с половецкой опасностью. К сожалению, даже великие произведения литературы не способны изменить ход истории. Князья в силу социальных законов, о которых они и не подозревали, продолжали отчаянно бороться между собой, половцы продолжали нападать на русские города. Но в 1186 году войны с половцами не было. Не исключено, что кня-

зья договорились дать совместный отпор половцам. А хитрый Кончак знал об этом и остался в своих кочевьях.

В Спасо-Преображенском соборе в Чернигове покоится прах князя Игоря Северского, Игоря Черниговского и других князей той эпохи. Украина

Но уже в 1187 году Кончак опять пришел на Русь и разграбил села и города в Северском и Черниговском княжествах. И когда Святослав начал собирать новый поход на Кончака, его родной брат князь Черниговский от похода уклонился. «И была между братьями распря».

А Игорь продолжал жить в Новгороде-Северском. Вскоре вернулся из половецкого плена его сын Владимир с молодой невестой – Кончаковной. От них пойдут дети по крови более половцы, чем русские.

В 1194 году умер великий князь Киевский Святослав – организатор борьбы со Степью. В 1198 году, после смерти черниговского князя, этот стол по старшинству перешел к князю Игорю Северскому. А еще через четыре года он умер в Чернигове.

Неспокойный Галич

Правивший в Галиче Ярослав Осмомысл, могучий владыка, при одной вести о приближении армии которого враги бежали от Киева, никак не мог распутать семейные проблемы. Его жена Ольга не могла более выносить, что ее муж открыто признает Настасью истинной своей супругой, хотя с ней и не венчан. В Галиче говорили, что он намерен отправить жену в монастырь и обручиться с возлюбленной.

Галич раскололся. Среди бояр существовала партия, стоявшая за передачу трона бастарду Олегу, которого неуважительно величали «Настасьевичем». Партия княгини Ольги желала, чтобы власть перешла к ее сыну Владимиру.

Понимая, что проигрывает, княгиня решилась на отчаянный шаг: вместе с Владимиром и несколькими преданными ей боярами она в 1173 году бежала из Галича. Беглецы ушли в Польшу, так было заранее уговорено с польским князем Болеславом Кудрявым.

Этот поступок вызвал целую лавину событий. В Галиче Ольга, обиженная жена, Ярослава не беспокоила. Княгиня, вынесшая конфликт на суд Польши и Руси, создала опасное политическое осложнение. Ярослав предпринял дипломатические усилия, чтобы вернуть жену и старшего сына. Этим, вероятно, объясняется то, что через восемь месяцев добровольного изгнания Ольга с Владимиром неожиданно покидают Польшу и едут на Волынь, к тамошнему князю – врагу Ярослава. Ольга просит у князя помощи, а в это время ее сторонники в Галиче распространяют пугающие слухи о грядущем нашествии поляков и венгров, о гневе русских князей на Ярослава, который якобы решил отдать престол незаконному сыну. В Галиче твердят, что Настасья – ведьма, которая околдовала князя. Спасти князя от колдовства – богоугодное дело.

Успешные заговоры чаще всего зреют в тени трона. При дворе всегда найдутся люди, знающие, куда больнее ударить. Видно, Ярослав в своей гордыне и не подозревал, что ему может угрожать опасность. Слухи он игнорировал, дружину отпустил. Он даже не побоялся покинуть столицу и отбыть в загородный дворец на охоту. Тогда все и случилось...

Когда Владимир с матерью подъезжали к Полоцку, их догнал посланец из Галича. Он сообщил княжичу от имени галицких бояр: «Ступай домой, отца твоего мы схватили, приятелей его перебили, и враг твой Настасья в наших руках».

Пока обрадованные Владимир с матерью спешили в Галич, бояре, не тратя времени даром, продолжали начатое. Настасью как ведьму, околдовавшую Ярослава, сожгли на главной площади. Ее сына бросили в окопах в тюрьму, самого же Ярослава, сломленного предательством и унижением, когда Настасья не стало, отпустили на свободу под надзор боярской партии, взяв с него торжественную клятву, что он не будет мстить заговорщикам и будет жить с княгиней, как положено мужу. Ярослав такую клятву дал, но затаил в душе лютую ненависть.

Внешне Ярослав выполнял условия договора с боярами. Он ни слова не возразил против возвращения сына и жены. Летописи молчат о том, что было в Галиче после этого переворота. Значит, ничего достойного, с их точки зрения, не происходило. Но власть в княжестве перешла в руки княгини и боярской партии. Много лет любовные увлечения князя никого не беспокоили. События разыгрались, когда возникла опасность, что Ярослав передаст престол «Настасьевичу». Бояре не желали, чтобы их владения и поместья стали ареной княжеских междоусобиц. Если за Ольгу встанут ее родичи, которым нужен лишь предлог, чтобы напасть на богатые южные земли, то страдать в первую очередь будут землевладельцы и крупные торговые люди. Поэтому дворцовый переворот в Галиче был вызван не безнравственным поведением князя, а страхом перед войной.

Часовня Св. Василия, построенная на фундаменте Успенского собора XII в. Справа от часовни – Церковь Успения Богородицы, XVI в. Крылос (где находился княжеский детинец древнего Галича). Украина

Ярослав смирился с боярским бунтом, чтобы сохранить престол. Прошло лет восемь. Галичане разочаровались в новых правителях, и многие с грустью вспоминали о прошлых временах. Постепенно инициаторы заговора один за другим сходили со сцены.

Долгожданный момент для Ярослава наступил, когда умерла княгиня Ольга. Умерла ли она естественной смертью, так как была уже пожилой женщиной, или ей помогли умереть – мы так и не узнаем. Но Ярослав тут же обрушился на боярскую оппозицию, лишённую вождя. Попытка Владимира занять место матери провалилась. Когда начались казни активных участников расправы над Настасьей, Владимир бежал.

В 1182 году Владимир Галицкий оказывается на Волыни, у князя Романа Мстиславича, и просит у него приюта.

Ярослав был в таком гневе, что решил любой ценой заполучить Владимира обратно. Но на открытую войну с Волынью он не решился и прибег к другому, весьма эффективному способу. За три тысячи гривен он нанял большой польский отряд, который отправился на Волынь и начал жечь города. Официально никакой связи между этим разбоем и Ярославом не было, но Роман понял, что означает этот шаг. Он счел за лучшее не ссориться со своим могучим соседом и предложил Владимиру убраться из его земель.

Владимир бросается в Киев, к тестю, но даже великий князь гонит его от себя, утверждая, что дал клятву Ярославу княжича не пускать. И начинается долгий и многострадальный путь Владимира Галицкого от князя к князю. Игорь Дорогобужский его прогнал, Святополк его не принял, гордый смоленский князь Давид велел ему ехать к его дяде Всеволоду

Большое Гнездо. Даже в далеком Владимире ему не нашлось места. Молодой галицкий наследник объехал всех основных князей Руси, и ни один из них, будь то союзник или враг Ярослава, не посмел дать ему убежища. Можно только представить себе, какую огромную дипломатическую работу провел Ярослав, если князья, неспособные даже на видимость единодушия, были столь едины в нежелании пригреть изгоя.

Оставалось княжество Северское, где правил Игорь, женатый на сестре Владимира Ефросинье Ярославне.

Семья Игоря, не в пример галицким родичам, была дружной. Может быть, именно любовь Игоря к жене и заставила его совершить поступок, на который не решился ни один из больших князей. Игорь осмелился бросить вызов самому Осмомыслу. Летописец рассказывает, как Владимир, отчаявшись найти себе убежище, приехал к Игорю Святославичу: «Игорь же принял его с любовью и честью и держал у себя два года».

Игорь решил помирить сына с отцом. Удалось ему это сделать не сразу, и пришлось даже отправить в Галич заложником собственного сына.

«С великим прилежанием через князей русских едва его с отцом примирил, изпрося ему во всем прощения, и послал с ним его проводить сына своего Святослава».

Ярослав, прия сына своего Владимира и наказав его словами, дал ему Свиноград, но жить велел в Галиче, дабы он не мог кое зло сделать. Святослава же, одарив, с честью отпустил».

Ярослав победил. Он добился того, что сын вернулся молить о милости и остался жить в Галиче под надзором.

Любое потрясение в Галиче затрагивало интересы Византии и Венгрии, отзывалось в Болгарии и Польше. Южная Европа была вся в движении. С одной стороны, Болгария и Сербия боролись за независимость от Византии, с другой – в 1189 году начиналось очередное грандиозное предприятие – Третий крестовый поход, который по масштабам значительно превосходил предыдущие, хотя бы потому, что во главе его стояли три могущественнейших государя Европы: германский король и император Священной Римской империи Фридрих Барбаросса, французский король Филипп Август и английский король Ричард Львиное Сердце.

Для стран юго-востока Европы, противостоявших Византии, это предприятие представляло опасность. Замыслы, рожденные в монастырях и столицах Запада, таили в себе угрозу не только Византии, но и ее соседям. Проход через эти страны жестоких и корыстных рыцарей, для которых разница между христианскими Венгрией, Болгарией и Византией и «неверными» была не более как условностью, грозил разорением и был на руку только итальянским конкурентам – генуэзцам и венецианцам. Тревога эта была обоснованной. Пройдет всего пятнадцать лет, и те же самые крестоносцы в очередном походе решат, что Константинополь – легкая и богатая добыча. И разгромят Византийскую империю, нанеся ей такой урон, равного которому не наносил ни один «неверный».

В преддверии тревожных перемен каждый из соседей Галича старался усилиться, и за делами галицкого князя со вниманием следили в Европе. Старик Ярослав Осмомысл умел балансировать в сложной политической игре, но, когда он занемог и разнеслась весть о том, что болезнь князя смертельна, соседи встревожились.

Владимир Галицкий продолжал жить в столице под зорким глазом нелюбящего и нелюбимого отца, ненавидя своего младшего брата Олега «Настасьевича». Он уже немолод, ему под сорок, ничего в жизни так и не удалось добиться. Кто он? Властитель заштатного Свинограда, куда он даже съездить не может?

Трагедия Ярослава заключалась в том, что он полюбил незнатную женщину, был верен ей и своей верностью погубил.

История, говорят, повторяется. Первый раз это трагедия, второй – фарс. Что и случилось в Галиче.

У Владимира были жена и сын от нее. Что случилось с женой, летописи молчат. Владимир вел жизнь безнравственную, пил, буянил, от дел бегал⁵. Кончилось тем, что он отнял у попа жену и стал с ней открыто жить.

Любопытно, понял ли после этого Владимир своего отца? Вряд ли. Мы всегда находим оправдание себе и за те же грехи готовы судить других. Хотя отец и сын были врагами, жизнь их кое в чем сложилась сходно.

За годы, проведенные в Галиче, свиноградский князь Владимир прижил от попадыи двух сыновей.

В 1187 году к князю Ярославу пришла смерть.

Чувствуя ее приближение, Ярослав созвал бояр, священников, монахов и даже нищих и, плача, умолял подчиниться его последней воле.

Слово его записал летописец.

– Отцы и братья, – сказал он. – Вот я отхожу от этого света суетного и иду к Творцу моему. Согрешил я больше всех. Отцы и братья, простите!

Слушатели плакали вместе с князем. Им стало страшно оставаться без него. Были в той толпе и те, кто вел на костер Настасью, и те, кто заковывал в цепи Олега, стоящего теперь рядом с ложем отца, и те, кто измывался над старым князем. Но все это было в далеком прошлом.

– Я одною своею худою головою удержал Галицкую землю, – продолжал князь, – а вот теперь приказываю занять мое место...

В зале стояла мертвая тишина.

– ...Олегу, – твердо сказал князь. – Меньшому моему сыну, а старшему, Владимиру, даю Перемышль, с тем чтобы он Галича себе не искал.

Никто не посмел перечить умирающему князю. К тому же в зале было немало сторонников Олега.

После этого Ярослав приказал раскрыть свои кладовые, полные золота и драгоценностей. И три дня по всей Галицкой земле раздавали эти сокровища монастырям и бедным. Но не смогли они всего раздать, поражается летописец, так много добра было у князя.

Потом князь привел к присяге галицких бояр и духовенство.

Неизвестно, что говорил и думал тогда Владимир; правда, можно себе представить, как он проклинал судьбу. Но и он присягнул младшему брату.

Ярослава торжественно похоронили. В процессии шли оба сына – князь Галицкий Олег и князь Перемышля, вассал Олега, Владимир.

Но рядом с Владимиром, теснясь к нему, шли многие знатные бояре, понимавшие, что ни западные соседи, ни русские князья не смиряются с княжением Олега «Настасьевича».

Мятеж начался сразу после похорон. Еще не успели отзвенеть печальные колокола, как бояре пришли к Олегу и велели уходить из города добром. Иначе ему не жить на свете.

Олег покорился, уехал из Галича и укрылся в Овруче, у тамошнего князя. И исчез из летописей и истории.

Но и разочарование во Владимире наступило довольно быстро.

Формально, как утверждает летописец, причинами этого были его пьянство, история с попадейей и нежелание советоваться с боярами.

⁵ Нашедшая отражение в знаменитой опере А. П. Бородина версия о том, что, пользуясь пленением князя Игоря, Владимир хотел захватить Путивль, нелепа. В те годы он не покидал Галича.

Попадья и пьянство, конечно, были, но обычно такие грехи боярского гнева не вызывали. Разгадка лежит в последнем обвинении – нежелании советоваться с боярами.

Неурядицы в Галиче не ускользнули от внимания соседей. Первым решил вмешаться в игру волынский князь Роман, тот самый, который в свое время дал было убежище Владимиру, изгнанному из Галича, но потом одумался и выгнал его.

Говоря о Романе, летописи сообщают, что он был весьма деятелен и предприимчив, и если уж принимал решение, то ничто не могло его от этого отвратить, а вот в выборе средств для достижения целей Роман был неразборчив. Как только он почувствовал, что галицкий престол может в любую минуту стать вакантным, он послал гонцов к оппозиционным боярам и предложил себя в качестве галицкого князя. И конечно же нашел среди них союзников.

Роман Мстиславович. Гравюра

В Галиче составил заговор, воеводы и бояре начали собирать войска, чтобы восстать против Владимира. Но восстать не смели, потому что у Владимира оставались в Галиче сторонники, да и сам он был настороже – убить его не удавалось. И все же положение Владимира было почти безвыходным. Силы противников превосходили его дружину, город был окружен врагами.

Бояре не хотели большой войны, к тому же они знали, что дружина верна Владимиру, а Роман со своим войском далеко и не спешит. Добром Владимир не уходит. Значит, его надо испугать.

Тогда в их головах родился провокационный план, основанный на знании характера Владимира, которому не хватало умения смириться ради власти, как сделал в свое время его отец.

К Владимиру явились самые знатные бояре.

– Князь, – сказали они, – мы не на тебя встали, но не хотим кланяться попадье, а хотим ее убить. А ты где хочешь возьми себе жену, понеже нам от того стыд и поношение несносное.

Владимир сначала пытался разубедить бояр. Он напомнил им, что они еще недавно целовали ему крест. Наконец князь привел последний аргумент.

– У меня дети от попадьи, – сказал он.

– И детей народ убьет, – отвечали бояре. В таких случаях всегда полезно напомнить о существовании народа.

Бояре дали Владимиру срок только до следующего дня.

Ночью князь в страхе за свою семью поднял дружину, взял казну, детей, любовницу и ускакал в Венгрию.

Соглядатаи сообщили боярам, что князь уходит из города, но те ему не мешали. Боярам казалось, что теперь они – настоящие хозяева княжества.

История не повторяется точно. Отец предпочел власть и смирился. Владимир предпочел любовь и отказался от власти. Как только слабый согласится с условиями ультиматума, он признает свою слабость, и враги делают следующий шаг.

Положение в Галиче было безразлично его соседям, и все они так или иначе приняли участие в дальнейшей борьбе.

Сначала на первый план вышли венгры.

В 1173 году умер венгерский король Стефан, причем, по слухам, он был отравлен не без помощи своего младшего брата, того самого Белы, который некогда был обручен с принцессой Марией, дочерью византийского императора Мануила, и который, пока вторая жена Мануила не подарила супругу сына, считался наследником византийского престола.

В Венгрии наступило междоусобие. Знать раскололась на три партии. Первая состояла из сторонников Белы. Вторая, во главе которой находились высшие иерархи католической церкви, опасалась, что Бела испорчен константинопольским воспитанием и перестал быть добрым католиком; епископы требовали, чтобы страна ждала, пока беременная жена покойного Стефана разродится. Третью партию возглавляла властная старуха Евфросиния Мстиславна, дочь русского князя, мать Белы и Стефана, которая требовала, чтобы престол перешел к ее любимому третьему сыну. В конце концов Бела, опираясь на поддержку Византии, сумел захватить престол.

Когда в 1189 году к Беле приехал Владимир Галицкий, тот принял его хорошо, ибо был заинтересован в том, чтобы Галичем правил обязанный ему князь. Он предоставил в рас-

поражение Владимира большую армию. Благодарный Владимир оставил у венгров семью и казну, а сам двинулся к Галичу.

Пока в Венгрии шли приготовления к походу, волынский князь Роман призвал своего младшего брата Всеволода и торжественно передал ему престол в своей столице – Владимире-Волынском. Сам же, собрав дружину, поехал править новой вотчиной. Брату на прощание не без спеси сказал: «Больше мне этого города не нужно». Владимир-Волынский был беден и даже невзрачен по сравнению с роскошным Галичем.

Галицкие бояре взяли с Романа крестное целование, что он будет блюсти их права и заботиться о народе. Роман дал требуемые клятвы и въехал в княжеский дворец.

Буквально через несколько дней с западной границы прискакал взмыленный гонец: огромная армия венгров идет на Галич. Во главе ее Владимир и сын Белы, принц Андрей.

Роман кинулся к боярам, надеясь, что они соберут ополчение. Бояре же испугались: против венгерского войска Галичу устоять трудно. Начиналась большая война, которой они так старались избежать. Поэтому их симпатии вновь оказались на стороне Владимира.

Мстиславов храм во Владимире-Волынском – древнейший на Волыни памятник архитектуры, который был построен в 1160 г. князем Мстиславом Изяславичем. Украина

Роману некогда было даже послать гонцов к своим родичам на север. Он понимал, что может надеяться лишь на собственную дружину. И если дело дойдет до осады, то горожане наверняка ударят ему в спину. Так что Роман счел за лучшее захватить остаток казны Владимира и бежать из города.

Через несколько дней, когда к Галичу подступило венгерское войско, бояре вынесли Владимиру ключи от города. Из их приветственных речей было ясно, что лишь недоразумение помешало Владимиру благополучно княжить в Галиче.

Владимир сдержанно выслушал приветственные речи и, отпустив бояр, стал готовиться вступить в город.

Он переодевался в шатре, когда туда вошли несколько венгерских вельмож во главе с принцем Андреем. Принц был вежлив. Он не хотел обидеть своего старшего родича (они

были родственниками через бабушку Андрея Евфросинию), но вынужден был сообщить ему, что по указанию короля Белы князем в Галиче решено поставить его, принца Андрея. Таким образом, Галич отныне входит в состав Венгерского королевства. Андрей выразил свое сожаление по поводу такого оборота событий и покинул растерянного и обманутого Владимира.

Тут же вельможи отняли у князя меч и вывели к группе всадников, ожидавших у шатра, – это был конвой, под охраной которого Владимиру предстояло отправиться в Венгрию. Его собственную дружину уже разоружили.

Владимир был привезен в Венгрию и заточен в один из замков. На вершине высокой башни русскому князю поставили шатер. Два раза в день туда поднимались стражи, приносили воду и пищу. Стражи не разговаривали с пленником. Шатер на вершине каменной башни был надежнее глубокого подземелья. Правда, в этом была и милость венгерского короля – рядом пролетали птицы, дул свежий ветер, на горизонте в хорошую погоду была видна сиреневая полоса Карпат, и можно было убедить себя, что видишь Галицкую землю. Семью Владимира держали в другом замке.

Плохо пришлось и Роману Волынскому, подбившему бояр на измену Владимиру, а потом столь легкомысленно подарившему собственное княжество младшему брату. Роман кинулся к своему городу, но брат затворил перед ним ворота и со стены нагло крикнул, чтобы тот возвращался в Галич.

Шел дождь, усталая дружина Романа понуро брела по долине. Тихо тащился обоз – добро, вывезенное Романом из Галича.

Властитель волынский, а затем государь галицкий стал изгоем, князем без княжества. Караван двинулся к тестю Романа Рюрику, князю Смоленскому. Тот согласился дать войско и предоставить приют беженцам, но при условии, что Галицкое княжество Роман поделит с его сыном. С новой армией и новыми надеждами Роман двинулся в Галицкую землю, но у границ ее был разгромлен венграми.

Конфликт, словно расходясь кругами по воде, втягивал все новых участников. Венгерский король, зная коварство галицких бояр и опасаясь войны с объединенными силами русских князей, тайно послал гонцов в Киев, к Святославу, с предложением передать Галич сыну великого князя. Святослав соблазнился и дал согласие.

Тут узнал об этом Рюрик, который еще не отказался от мысли увидеть своего сына на галицком престоле. Между старыми князьями началась страшная, к счастью только письменная, свара, которая кончилась лишь тогда, когда в нее вмешался митрополит, сурово осудивший обоих князей за то, что они делят Галич, захваченный католиками. Подействовало ли вмешательство митрополита или нежелание начинать междоусобную войну из-за Галича, но оба старых князя собрали армии, взяли своих сыновей-претендентов и отправились в поход на Галич.

Итак, к этому моменту на галицкий престол претендуют: Владимир, который сидит на башне, Олег «Настасьевич», живущий в Овруче, принц Андрей, который правит Галичем, но чувствует себя там неуверенно, сын Святослава Киевского и сын Рюрика Смоленского, которые идут со своими отцами к Галичу, и, наконец, как скоро выяснится, сын несчастного Ивана Берладника, бедный, отважный и гордый Ростислав.

Церковь Св. Пантелеймона была основана Романом Мстиславичем в с. Шевченкове близ Галича в 1194 г. Украина. Это единственная архитектурная памятка Галицко-Волынского княжества, которая сохранилась до наших дней.

Объединенное русское войско до Галича не дошло. С каждым днем отношения между его предводителями все более портились. Поделить между собой еще не завоеванные земли они так и не смогли. В результате, несмотря на уговоры митрополита, они повернули дружины вспять.

Прослышав о походе старых князей, галичане надеялись, что венгерская оккупация кончится и что католические миссионеры уберутся из города вслед за венгерскими рыцарями. Провал похода показал всю тщету их надежд.

Андрей не доверял галичанам, ожидая с их стороны всяческих каверз. Поэтому он счел за лучшее увезти из Галича членов самых знатных и богатых семей в качестве заложников.

И вот тогда вмешались городские низы: ремесленники, мелкие торговцы, беднота – те, кому от княжеских распрей доставалось больше всех. Они выдвинули своего претендента на престол – жившего в низовьях Дуная Ростислава Берладника, который был им куда милее, чем знатные господа. Летописец сообщает, что, когда к Ростиславу отправились из Галича послы, многие бояре были недовольны.

Ростислав со своей дунайской вольницей поспешил к Галичу. Но опоздал. Раньше туда успели венгерские подкрепления. Встревоженные венгры созвали знатных людей города и потребовали, чтобы они снова поклялись в верности Андрею. Как говорит летописец, «правые целовали крест охотно, ничего за собой не зная, а виноватые по нужде, боясь венгров».

Ростислав Берладник остановился у городской стены. К нему выбрались некоторые из его союзников. Они рассказали, что их план провалился.

– Видишь, тебя обманули, – говорили дружинники, – поедem прочь.

Но неожиданно для всех Ростислав отказался уезжать.

– Нет, братья, – передает его слова летописец, – вы знаете, что галичане целовали мне крест, и если теперь они ищут головы моей, то бог им судья, а мне наскучило скитаться по чужой земле, хочу голову положить на своей отчизне.

Из ворот города выходило венгерское войско. Сверкали шлемы, радугой горели знамена, земля содрогалась от топота копыт.

Ростислав стегнул коня и помчался на врагов. За ним поскакал еще десяток дружинников.

И пропали в жутко и тяжело зашевелившейся гуще всадников.

Только Берладник, весь израненный, был еще жив.

Венгры отнесли его в город.

К тому времени, когда Ростислава принесли в детинец и положили в горницу, город кипел. Гул толпы доносился до дворцовых покоев. Завоевателям было неуютно и страшно. И тогда... неизвестно, кто первым сказал это – то ли какой-то боярин, то ли сам Андрей:

– Князь должен умереть. Живой он слишком опасен.

Наутро горожанам было объявлено, что Ростислав умер от тяжких ран. Никто этому не поверил. Летописец утверждает, что «венгры приложили яд к ранам Берладника».

Волнения в городе показали венгерскому принцу, что галичане непокорны и враждебны. И летописцы рассказывают, как венгерские рыцари начали насильничать и грабить, ставить лошадей в церквах и казнить горожан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.